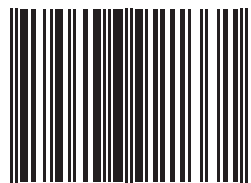

Пётр I и становление российской науки

*Материалы международной
научной конференции*

ISBN 978-5-4469-2133-1

9 785446 921331 >

К 350-летию Петра I
Петр I

Санкт-Петербург
2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Пётр I и становление российской науки

*Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г.*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2022

УДК 94(47)

ББК 63.3

П30

Редакционная коллегия:

Т.А. Базарова (отв. ред.), *В.Г. Вовина*,

И.А. Вознесенская, *А.А. Ефимов*

*Издано по заказу Комитета по науке и высшей школе
Правительства Санкт-Петербурга*

п30 Пётр I и становление российской науки: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г. / отв. ред. Т.А. Базарова. — СПб.: Нестор-История, 2022. — 136 с.

ISBN 978-5-4469-2133-1

В сборнике опубликованы тезисы докладов участников Международной научной конференции «Пётр и становление российской науки», которая состоялась в Санкт-Петербурге 3–5 октября 2022 г. Исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, связанных со становлением и развитием различных отраслей науки, светского и духовного образования, книгоиздательства, расширением географических знаний в России Петровской эпохи. Значительное внимание уделено созданию и ранней истории Академии наук и художеств.

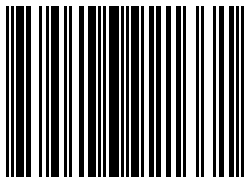
Издание рассчитано на специалистов историков, филологов и культурологов, а также аспирантов и студентов.

*В оформлении обложки использована гравюра Ф. Оттенса
«Аллегория передачи наук Петром I России» (1725).*

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-4469-2133-1

9 785446 921331 >

© Коллектив авторов, 2022

© СПбИИ РАН, 2022

Предисловие

В 2022 г. важнейшие культурные события в России были связаны с юбилеем Петра I. В течение года по всей стране проходили научные форумы и выставки, приуроченные к 350-летию со дня рождения первого российского императора. В фокусе внимания ведущих специалистов по Петровской эпохе оказались различные аспекты его деятельности — международные отношения, проблемы экономики и внутренней политики.

Еще в середине XIX в. академик Петербургской академии наук Петр Петрович Пекарский обратил внимание современников на необходимость изучения и осмысления влияния петровских преобразований на российскую науку и просвещение. Во время европейских путешествий Петр I знакомился с опытом крупнейших университетов, академий наук, научных обществ, осматривал библиотеки и музейные коллекции. По его приглашению в Россию прибыли иностранные специалисты — ученые, инженеры, архитекторы, врачи. Первый российский император ясно осознавал, что недостаточно принимать на службу зарубежных ученых, покупать в Западной Европе научные коллекции, книги и приборы. Он поставил задачу в кратчайшие сроки создать сильную российскую научную школу. Основание Академии наук и художеств стало своеобразным итогом грандиозных замыслов Петра I, осознававшего значение фундаментальных наук для дальнейшего развития экономики России и укрепления ее престижа на международной арене.

3–5 октября 2022 г. в Санкт-Петербурге состоялась международная научная конференция «Петр I и становление российской науки», которая включена в «План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 350-летия со дня рождения Петра I». Организаторами конференции выступили Министерство науки и высшего образования РФ, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга при участии Библиотеки Российской академии наук, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургского научного центра РАН, Музея антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В основанном по воле Петра I городе на Неве собрались историки, филологи, лингвисты, искусствоведы, музеологи, культурологи, исследователи истории науки из крупнейших научных центров Российской Федерации — Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Омска и других городов, а также из Великобритании, Франции и Беларуси. На пленарном и секционных заседаниях научной конференции прозвучало более 80 докладов. Исследователи обсудили проблемы становления и развития различных отраслей науки, образования, книгоиздательства и музейного дела.

Сборник содержит избранные тезисы докладов участников конференции, которые дают представление об основных направлениях научного поиска, дискуссионных вопросах, а также задачах, которые стоят перед учеными XXI в.

Петр и рождение российской науки

Является бесспорным фактом, что своему появлению наука в России обязана Петру Великому, подлинному ее демиургу. Хотя в допетровское время уже происходил серьезный слом средневековой системы восприятия мира, но при Петре этот процесс резко ускорился. Петр не был склонен к теоретизированию вообще, отличался конкретностью мышления, но все-таки общие рамки его понимания мира были заданы уже тем, что он признавал гелиоцентрическую концепцию Н. Коперника, что выразилось в издании соответствующих переводных книг. Общие представления царя о действительности опирались на популярные в то время начала картезианства, непререкаемый приоритет опытного знания и (на его основе) практики. Все это сочеталось с протестантским культом труда, личного успеха, достигаемого за счет усердия, дисциплины и образования. Наука для Петра была суммой знаний, навыков, или, как он писал, «художеств», средством получения конкретного полезного результата в перспективе достижения «Общего блага» — всеобщего благополучия. Для него был актуален лозунг кумиров того времени Ф. Бэкона и Т. Гобса: «Scientia potential» («Знание — сила»).

Особенно актуально это было для России, о которой даже противник Петра Сильвестр Медведев писал, что это земля, невежественные обитатели которой «шествуют во тьме». Внедрение знаний как света во тьме Петр видел в просвещении: «Самодержавною рукой // Он смело сеял просвещенье» (А. С. Пушкин). Царю был присущ оптимизм, примечательный для этой эпохи рационализма, воодушевляющего времени открытия законов природы. Петр развивал концепцию миграции наук, подобной кровообращению, открытому ранее. По его мнению, науки, выйдя из «сердца» европейской культуры — Древней Греции, достигли, наконец, периферийных областей — России, и теперь она становится частью ойкумены, цивилизованного мира. «Здание наук» должно было поднять, наряду с военными успехами, престиж России.

В стране, где не было университетов, богатых самоуправляющихся городов, банков, спонсоров, традиций систематического, особенно естественно-технического, образования, Петр использовал все возможные способы и средства государства для развития образования и просвещения в России. Цифирные школы, Морская академия, массовый перенос знаний и технологий, закупки приборов, коллекций, посылка молодежи за границу, приглашение иностранных специалистов, книгопечатание, пресса, наглядная пропаганда, наконец, создание Петербургской академии наук — это служило целям просвещения в России.

При этом все усилия Петра были направлены на целевое использование науки исключительно в интересах государства, которое воспринималось как универсальный институт, единственная форма выражения общества. В этой ситуации Петр создал «государственную науку», полностью ориентируемую на нужды государства, жестко зависимую от него в административном, финансовом, идеологическом аспекте. Ученые воспринимались как чиновники (кстати, довольно бесправные, так как не имели рангов), зарабатывающие хлеб насущный исключительно своими «образованными мозгами». Они были обязаны производить полезные знания, приложимые к практике, что предполагало открытие, изобретение, совершенствование нужных производству и вооруженным силам устройств и приборов. По заданию государства ученые должны проводить экспертизы, консультировать, словом, содействовать работе государства. Обязательным было также участие в распространении знаний с помощью преподавания и презентаций. Жесткая привязка науки к колеснице государства, осуществленная Петром, была вынужденной в силу специфики России, но затем она стала вечной и неизменной. Соответственно, наука в России, при всех ее очевидных успехах, хронически болела теми же болезнями, что и государство, что, впрочем, не принижает великого свершения Петра.

Петр I и написание истории России

Первые опыты написания истории России не в средневековой традиции, а с позиции Нового времени относятся к эпохе Петра I. Известно, что в 1703 г. стольник И. М. Кологривов по царскому указу обследовал монастырские библиотеки в поисках летописей для «исправления печатного летописца». Так называли изданный И. Ф. Копиевским на русском языке в Амстердаме в 1699 г. обзор всемирной истории. Однако работа над собранными И. М. Кологривовым источниками имела и другую цель — создание труда по всеобщей истории, важное место в котором занимало бы изложение истории России с древнейших времен до начала XVIII в.

Эту работу взялся выполнить глава патриаршего Казенного приказа Тихон Макарьевский. Видимо, на выборе автора сказался его опыт по составлению исторических компиляций. Известно, что в 1678 г. Тихон Макарьевский составил особую редакцию Степенной книги — так называемую Латухинскую Степенную книгу. Свой второй исторический труд Тихон, вероятно, не завершил, поскольку скончался в 1707 г., а запросы в различные учреждения на исторические справки для создаваемого им сочинения рассылались до начала 1709 г. Однако в октябре 1708 г. глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин призвал начальника Московской типографии (бывшего Печатного двора) Ф. П. Поликарпова-Орлова заняться составлением обзора российской истории, причем в его письме содержится весьма важное указание: «Историю указал государь писать...» (Письма и бумаги имп. Петра Великого. М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 938), то есть инициатором работ назван сам Петр I. В письме от 31 мая 1709 г. И. А. Мусин-Пушкин выражается более определенно: «Великий государь указал немедленно писать историческую книгу Росийскаго государства...» (Управляй, не мешкав, о печати книг...» (Переписка И. А. Мусина-Пушкина с Ф. П. Поликарповым) / публ. Г. В. Брюхановой // Книга: Исследования и материалы. М., 1996. Сб. 73. С. 228). Известно, что Ф. П. Поликарпов завершил работы

по составлению своего исторического труда в марте 1715 г. По общению И. И. Голикова, 2 января 1716 г. Петр I рассмотрел сочинение Поликарпова и остался им недоволен, хотя и наградил автора (*Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 9. С. 7).

Одновременно с Ф. П. Поликарповым-Орловым над описанием отечественной истории трудился А. И. Манкиев, секретарь русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова. В 1714 г. им было составлено «Ядро российской истории». В адресованном Петру I предисловии к своему сочинению А. И. Манкиев указывает, что «имел на сей труд повеление» (*Миллер Г. Ф.* Предисловие // Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князем Андреем Яковлевичем Хилковым в пользу российского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих, в печать изданное с предисловием о сочинителе сей книги и о фамилии князей Хилковых. 3-е изд. М., 1791. Л. 3 об.), из чего можно предположить, что секретарь резидента работал над описанием российской истории по заказу царя. В 1715 г. труд А. И. Манкиева был отправлен Петру I.

Видимо, в 1716 г. царь поручил составление обзора истории России начальнику Посольской канцелярии Г. И. Головкину, который доверил это своему сотруднику подьячему Посольского приказа И. Ю. Юрьеву (*Серов Д. О.* Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1716–1718 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 134–139. Об И. Ю. Юрьеве см. также: *Серов Д. О.* Подьячий И. Ю. Юрьев, забытый историк XVIII столетия // *Studia humanistica* 1996: Исследования по истории и философии. СПб., 1996. С. 122–136). За основу повествования И. Ю. Юрьев взял список Степенной книги, привезенный некогда И. М. Кологривовым из владимирского Рождественского монастыря на Печатный двор. Свой труд подьячий завершил в 1718 г., а 29 января 1719 г. Г. И. Головкин отправил это сочинение царю. Работу И. Ю. Юрьева следует рассматривать как составление подготовительных материалов для последующей историографической деятельности. И. Ю. Юрьев выступает здесь лишь как чиновник, добросовестно выполняющий поручение своего начальства.

В 1716 г. поручение подготовить труд по русской истории было дано Феофану Прокоповичу. Прибывший по царскому

приказу в октябре 1716 г. в Петербург Феофан не застал Петра I, отправившегося к тому времени за границу. А. Д. Меншиков передал Феофану поручение царя, и через год с небольшим, когда государь вернулся, историко-генеалогический труд Феофана Прокоповича был уже издан в виде гравюры работы П. Пикарта «Апофеоз Петра I». Композиция представляет собой лестницу со стоящим наверху Петром I. По обеим сторонам расположены портреты правителей России, начиная с Рюрика. Тексты Феофана Прокоповича сопровождают каждый портрет. Известны и более пространные характеристики правителей, составленные Феофаном Прокоповичем, видимо, в процессе работы над композицией гравюры.

Следующий этап официальной историографии при Петре I приходится на начало 1720-х гг. В это время составляются произведения, прославляющие политику первого российского императора. Назвать их историографическими можно только с известной долей условности. Однако мысль заполучить обзор русской истории не покидала Петра I и в это время. Известен его именной указ от 16 февраля 1722 г., предписывающий присылать из епархий в Синод для копирования древние летописцы, Степенные книги и хронографы (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 6. № 3908). Этот указ развивает идеи предшествующего, 1720 г. (Там же. № 3693), в котором, правда, были названы «исторические книги» без перечисления их наименований. В результате реализации указа 1722 г. было собрано около 40 рукописей, которые, однако, так и остались без употребления (*Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. С. 318–319; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 76–77).

В 1722 г. Петр I поручил Г. Г. Скорнякову-Писареву приняться за составление сочинения по российской истории. Примерно в это время (1719–1724 гг.) аналогичное поручение заняться географическими и историческими исследованиями получил В. Н. Татищев (*Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История российская. М.; Л., 1962. Ч. 1. С. 6–8).

Таким образом, начиная с 1703 г. Петр I постоянно следил за ходом написания истории России, давал задания по составлению исторического труда разным лицам. Видимо, этот процесс

начался с мероприятия по сбору летописей в монастырских библиотеках в 1703 г. Работать с собранными материалами взялся Тихон Макарьевский. Когда стало очевидно, что его сочинение так и останется незавершенным по причине смерти автора, в 1708 г. эстафета была передана Ф. П. Поликарпову-Орлову и А. И. Манкиеву. Получив результаты работ Манкиева в 1715 г., а Поликарпова-Орлова в 1716 г., Петр I в 1716 г. поручил составить обзор российской истории главе Посольской канцелярии Г. И. Головкину и Феофану Прокоповичу.

В 1720 и в 1722 гг. Петр I повторил мероприятие 1703 г. по сбору источников по отечественной истории. На этой базе было предложено составить исторические труды Г. Г. Скорнякову-Писареву и В. Н. Татищеву. Очевидно, что Петра I не удовлетворяли результаты усилий историков. Он хотел видеть российскую историю описанной иначе, чем ему предлагали. Сравнивая исторические труды Тихона Макарьевского, Поликарпова-Орлова, Манкиева, Феофана Прокоповича, Юрьева и Татищева, можно проследить процесс формирования отечественной историографической традиции от позднего Средневековья к Новому времени. Важно отметить, что немалая роль в становлении отечественной истории как науки принадлежит Петру I.

Аптекарская канцелярия — колыбель Архива Российской академии наук

Академический архив в Санкт-Петербурге, как и сама Российская академия наук, своими корнями восходит к Аптекарскому приказу в Москве. Это первый орган государственного управления медицинским делом в России, известный с конца XVI в., который первоначально обслуживал только царский двор, но со временем приобрел общегосударственные функции. К концу XVII в. Аптекарский приказ играл роль, подобную Академии наук, — ведал иноземными врачами, ботаниками, аптекарями, астрологами, алхимиками, часовых дел мастерами, собирал и хранил редкие для того времени книги и рукописи, организовывал экспедиции в разные регионы страны с целью поиска и заготовки лекарственных растений для врачебных нужд.

С воцарением Петра I науки в России получили мощный импульс к развитию благодаря его реформаторскому замыслу организации в России Академии наук и художеств, созревшему задолго до его практической реализации. В ходе двух путешествий по Европе царь внимательно изучал опыт университетов, академий наук, научных обществ, частных и государственных музеев и пр. Воплощением в жизнь указов Петра I по приглашению на русскую службу иностранных ученых и врачей, сбором естественнонаучных и археологических коллекций для императорских собраний занимался именно Аптекарский приказ.

В 1703 г. был основан Санкт-Петербург, вскоре ставший новой столицей России. Параллельно с приказами в Москве, в Санкт-Петербурге был создан ряд канцелярий с функциями правительственных учреждений. 10 декабря 1706 г. в Северной столице была открыта Главная аптека, существовавшая параллельно с Главной аптекой в Москве (так с 1706 г. зачастую именовался Аптекарский приказ, с 1714 г. — Канцелярия Главной аптеки, впоследствии переименована в Московскую медицинскую контору). При Главной аптеке в Санкт-Петербурге в начале 1707 г. была образована особая Аптекарская канцелярия, которой по должности руководил

лейб-медик Петра Великого. Постепенно Аптекарский приказ в Москве утрачивал высшие административные функции, переходившие в Аптекарскую канцелярию в Санкт-Петербурге.

Петр I предписал «особливо приказ воспринимать от доктора Арескина» (ПСЗРИ. 1830. Т. 4. № 2121. С. 358). Шотландец Роберт Карлович Арескин, или Эрскин (Erskine Robert; 1677–1718), доктор философии и медицины (1700), член Лондонского королевского общества (1703), в числе других известных английских врачей был приглашен в Россию и в 1706 г. стал домашним врачом князя А.Д. Меншикова. По рекомендации первого губернатора Санкт-Петербурга Петр I назначил Р.К. Арескина в 1713 г. своим лейб-медиком, а в 1715 г. руководителем Надворной медицинской канцелярии. Образованнейший из придворных русского царя, Р.К. Арескин везде сопровождал Петра, в том числе в 1716–1717 гг. в путешествии по Германии, Голландии и Франции. Согласно грамоте статскому советнику Р.К. Арескину, подписанной в апреле 1716 г. Петром I в Данциге, была введена должность архиатра, «президента всего медицинского факультета России» — главного врача Российского государства, руководившего Аптекарской канцелярией, который имел право личного доклада царю.

Р.К. Арескин развил бурную деятельность, последствием которой явилось рождение фундаментальной науки в России. Он ввел строгий отбор иностранных специалистов, приезжавших искать службы в Аптекарской канцелярии и в проектируемой царем Петербургской АН, содействовал развитию основанного в 1706 г. Петром I Аптекарского огорода в Москве и в 1714 г. Аптекарского огорода в Санкт-Петербурге (ныне Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, где хранится гербарий Р.К. Арескина), стал первым руководителем царских Библиотеки и Кунсткамеры (с 1714 г.), которые до передачи в ведение Академии наук в 1724 г. финансировались из средств Аптекарской канцелярии, занимался пополнением фондов собраний Петра Великого, руководил экспедиционным изучением территории России, стал основателем отечественной бальнеологии. Именно он подписал контракт с данцигским доктором медицины Д.Г. Мессершмидтом, возглавившим первую научную комплексную экспедицию в Сибирь (1719–1727).

После смерти Р.К. Арескина в начале 1719 г. пост архиатра Аптекарской канцелярии был отделен от должности лейб-медика

и руководителя царских Кунсткамеры и Библиотеки. Главой Аптекарской канцелярии стал И. Л. Блюментрост, с 1714 г. лейб-медик царской семьи. Библиотеку и Кунсткамеру возглавил его младший брат, лейб-медик Л. Л. Блюментрост, ставший первым президентом (1725–1733) Академии наук и художеств, секретарем по иностранной переписке последнего стал помощник Р. К. Арескина (с 1714 г.) И. Д. Шумахер, в 1724 г. назначенный первым руководителем Канцелярии Академии наук. Именным указом Правительствующему Сенату в августе 1721 г. Аптекарский приказ был ликвидирован, вместо него была создана Медицинская канцелярия в Санкт-Петербурге, главой которой стал архиатр И. Л. Блюментрост.

В феврале 1720 г. Петр I утвердил «Генеральный регламент государственных коллегий», для управления другими государственными делами следовало «учредить Канцелярии». В главе «О архивах» регламент впервые ввел понятие «архив», которым ведал отдельный «архивариус», и предписывал необходимость хранения текущего делопроизводства в коллегиях и канцеляриях с последующей передачей документов на постоянное хранение под расписку архивариусу своего ведомства. Это законодательно закрепило сложившуюся систему документооборота и систему ведомственного хранения документации в Аптекарской канцелярии.

После смерти Р. К. Арескина документация Аптекарского приказа / Аптекарской (с 1721 г. Медицинской) канцелярии по организации Академии наук и художеств хранилась у проживавших вместе братьев Блюментростов, но она сильно пострадала в пожаре их дома в 1729 г. Дошедшие до нас документы предьстории создания Академии наук образуют комплекс материалов СПбФ РАН под названием *Academica* и переписку по царским Кунсткамере, Библиотеке и Минц-кабинету, сохранившуюся с 1698 г. Показательно, что значительная часть библиотек Аптекарского приказа и Р. К. Арескина находится в Библиотеке РАН, хранящей и личную библиотеку Петра Великого.

Медицинское ведомство России с полным правом можно назвать предшественником и организатором Академии наук и ее архива, в недрах которого с конца XVII в. стал формироваться комплекс его первоначальных документов. Именно Аптекарская канцелярия была ответственна за приглашение в Россию иностранных специалистов и приобретение книг, инструментов,

раритетов и пр., от имени царя вела оживленную переписку с заграничными учеными и коллекционерами — так называемую ученую корреспонденцию, сохранившуюся в СПбФ АРАН с 1705 г.

Поэтому датой создания современного Архива Академии наук (сегодня Санкт-Петербургского филиала Архива РАН), вошедшего научные и научно-организационные материалы Аптекарского приказа / Медицинской канцелярии, следует считать царский указ об образовании Главной аптеки в Санкт-Петербурге и Аптекарской канцелярии при ней 1707 г. Таким образом, академический архив старше Академии наук на 17 лет и на 7 лет старше ее первых учреждений — современных Библиотеки РАН, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) им. Петра Великого РАН, Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, так как СПбФ АРАН хранит документы об их основании и деятельности с доакадемической эпохи.

Указом императора Петра I от 28 января 1724 г. в Санкт-Петербурге была учреждена Академия наук и художеств — «Академия, или Социетет художеств и наук и университет». Ведение документации было разделено между Канцелярией АН, вошедшей документы Аптекарской / Медицинской канцелярии, и Конференцией (Ученым собранием), хранившей научную документацию. Это привело к образованию двух самостоятельных архивов — архива Канцелярии для концентрации организационно-распорядительной документации и Архива Конференции для хранения документов Общего собрания членов академии. Сохранилось распоряжение первого президента АН Л.Л. Блюментроста об определении к архиву Конференции студента Г.Ф. Миллера от 6 (17) января 1728 г. С советских времен эта дата ошибочно считается днем основания Архива Академии наук.

К сожалению, пожары академических зданий (1729, 1741, 1747) отразились на сохранности документации предыстории создания и начального периода истории академии и ее архивов. Несмотря на утраты, академик М.С. Сухомлинов в 1885 г. подчеркнул, что «Академический архив принадлежит к числу замечательнейших архивов империи, представляя редкое, по своей полноте, собрание рукописей, служащих важнейшими и во многих случаях единственными источниками для истории просвещения в России...».

«Славная Северная война и Житие Петра Великого»: проблема атрибуции

Среди малоизвестных историй царствования Петра I существует и анонимная история под заглавием «Славная Северная война и Житие Петра Великого». К этому тексту обращались А. Ф. Бычков и Е. Ф. Шмурло. Был отмечен компилятивный характер сочинения, а также тот факт, что автор являлся современником и свидетелем деяний Петра Великого.

В настоящее время в фондах Отдела рукописей РНБ удалось выявить два списка «Славной Северной войны» (РНБ. ОСРК. F. 40; НСРК. F. 38). Как следует из подзаголовка, сочинение датируется 1749 г. Тексты списков близки. Оба списка имеют авторское предисловие, основную повествовательную часть, послесловие и приложения. Главное различие заключается в количестве статей в приложениях. В приложении к рукописи ОСРК. F. IV. 40 насчитывается 22 статьи, а в приложении к рукописи НСРК. F. 38 только 15 статей.

Наблюдение над содержанием «Славной Северной войны» позволяет обнаружить основные источники, которые неизвестный автор использовал для составления истории петровского царствования. Во-первых, как ранее отмечал Е. Ф. Шмурло, события, описывающие период от смерти царя Алексея Михайловича до начала Северной войны, изложены на основании сочинения, которое И. П. Сахаров атрибутировал П. Н. Крекшину. В ряде случаев неизвестный автор обращался также к сочинению А. А. Матвеева, описывающему события от стрелецкого бунта 1682 г. до мятежа четырех стрелецких полков в 1698 г.

Вторым основным источником интересующего нас сочинения является «Гистория Свейской войны». Сравнение опубликованного текста этой истории с нашим сочинением позволяет сделать вывод о том, что составитель использовал текст «Гистории» в поздней редакции. Описание некоторых эпизодов заставляет предположить, что перед ним был особый вид «Гистории Свейской войны».

Третьим основным источником нашего сочинения стало «Житие Петра Великого», принадлежавшее перу Антонио Катифоро. Впервые оно было издано в Венеции в 1737 г., а на русский язык переведено Стефаном Писаревым в 1743 г. Несмотря на то что сочинение было опубликовано в России только в 1772 г., оно получило широкое распространение в рукописной книжности. Следует указать также, что наш автор охотно цитировал сочинение П. П. Шафирова «Разсуждение о причинах Свейской войны».

Текст, написанный от лица самого анонимного автора, содержится в предисловии, послесловии, а также в нескольких авторских отступлениях внутри самой истории. Эти части представляют наибольшую ценность для установления его личности. Из них самое пространное описание находим в рассказе об основании и строительстве Санкт-Петербурга. Автор также описывает Кронштадт и подробно останавливается на трудностях снабжения Санкт-Петербурга провиантом и необходимыми припасами. Он делает очень важное заявление о том, что лично получил от Петра I указания по сооружению Кронштадтского дока. Известно, что с весны 1719 г. финансовой и снабженческой стороной строительства на острове Котлин стал управлять П. Н. Крекшин. И эта сфера его деятельности совпадает с тем вниманием к вопросам логистики, которое проявляет анонимный автор «Славной Северной войны». В июне 1720 г. царь «изустно указал» П. Н. Крекшину очередность работ по строительству канала-дока.

На наш взгляд, отмеченное совпадение вкупе с наблюдениями над текстом «Славной истории Северной войны и Жития Петра Великого» позволяют обосновать гипотезу о том, что ее автором являлся П. Н. Крекшин. Установление авторства П. Н. Крекшина в отношении этого сочинения открывает новые возможности для исследования всего корпуса текстов, приписываемых этому замечательному автору XVIII в., имеющему неоднозначную репутацию у исследователей Петровской эпохи.

О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН хранит коллекцию акварельных рисунков Марии Сибиллы Мериан (1647, Франкфурт-на-Майне — 1717, Амстердам) — художницы, гравера, ученого-натуралиста, путешественницы, автора прекрасных иллюстрированных книг о природе. На рисунках Марии Сибиллы прежде всего присутствуют растения и насекомые. Однако это не просто красивые изображения, а истинный синтез искусства и науки — рисунки настолько точны и аккуратны, что их по праву называют научными иллюстрациями.

Жизнь Марии Сибиллы не менее красочна и удивительна, чем ее художественные творения. Она постоянно бросала вызов окружающей действительности и самой себе. По ее мнению, быть автором нескольких изданных художественно-научных трудов, преподавателем живописи, престижным мастером прикладных работ, иметь семью и двух дочерей — это слишком мало. В 1685 г. в возрасте 38 лет художница отказалась от успешной и спокойной жизни в Нюрнберге, покинула дом и провела пять лет в религиозной общине во Фрисландии, посвятив это время самообразованию и творчеству. Позднее, в 1699 г., вместе с дочерью Доротеей Марией предприняла поистине дерзкое для дам, живущих на рубеже XVII–XVIII вв., путешествие в Суринам (нидерландскую колонию в Южной Америке), где пробыла два года и вернулась в Европу не только с многочисленными рисунками и приобретенными знаниями о местной природе, но и с богатейшей коллекцией экзотической суринамской флоры и фауны.

За свою 70-летнюю жизнь Мария Сибилла Мериан подготовила и опубликовала ряд иллюстрированных книг, в числе которых: трехтомник «Книга цветов» (1675–1680), «Чудесные превращения гусениц...» в трех частях (1679, 1683 и 1717), «Метаморфоз суринамских насекомых» (1705). Издания содержат

большое количество гравюр, выполненных автором по собственным оригинальным рисункам.

М. С. Мериан также выступила иллюстратором труда своего знаменитого современника — ученого-натуралиста Г. Э. Румфиуса (Румфа) (1627–1702) «Амбоинский кабинет редкостей» (1705), украсив книгу рисунками морских обитателей: раков, крабов, моллюсков, раковин, камней и пр.

Рисунки Марии Сибиллы примечательны также тем, что художница использовала созданные ею самой краски — особые невыгорающие и водостойкие красители, новаторские для своего времени, позволившие спустя три века сохранить красоту и качество изображений.

В 1717 г. (год смерти М. С. Мериан) русский царь Петр I, находясь в Амстердаме, познакомился с художником Георгом Гзелем, зятем знаменитой художницы-натуралистки, о которой царь слышал ранее. Вдохновившись творчеством Марии Сибиллы, Петр I купил значительную коллекцию ее работ, которые были перевезены в Санкт-Петербург. Собрание акварелей М. С. Мериан, в настоящее время хранящееся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, насчитывает 184 рисунка.

В том же 1717 г. Доротея Мария и Георг Гзель (дочь и зять М. С. Мериан) по личному приглашению Петра I переселились в Санкт-Петербург, где служили художниками и преподавателями живописи при Кунсткамере и позднее, с 1724 г. при Академии наук и художеств.

Несколько стран претендуют на то, чтобы считать Марию Сибиллу «своей» художницей. Немцы уверены, что ее творчество принадлежит Германии, поскольку здесь она родилась, жила и творила первые 38 лет своей жизни. Голландцы не сомневаются в том, что она их соотечественница — ведь она была дочерью голландки, провела в Нидерландах 25 лет и умерла в Амстердаме. Суринамские краеведы также считают ее «своей», поскольку с этой страной связан важный период в ее художественно-научной деятельности. Нельзя не упомянуть и о Санкт-Петербурге, куда по личному приглашению Петра I переселились ее потомки и где уже более трех веков хранится самая большая в мире коллекция ее работ.

Точно одно: Мария Сибилла Мериан — уникальное явление в мировом культурном наследии на стыке искусства и науки.

У истоков военно-морского образования в России в первой четверти XVIII в.: от Навигацкой школы к Академии Морской гвардии

14 января 1701 г. был издан указ об основании первой светской государственной общеобразовательной школы в России — Школы математических и навигационных наук в здании бывшей Сухаревой башни, получившей название в честь располагавшегося рядом Стрелецкого полка под командованием Лаврентия Сухарева. Возглавил Школу английский ученый, профессор Эбердинского университета А. Д. Фарварсон, а в качестве помощников к нему были определены англичане С. Гуин и Р. Грейс.

Школа подчинялась Оружейной палате — Федору Алексеичу Головину «со товарищи». Непосредственно за жизнью школы наблюдал дьяк А. А. Курбатов. Школа математических и навигацких наук ближе всего подходила к типу средней школы: в ней изучали арифметику, геометрию, тригонометрию (плоскую и сферическую), навигацию, морскую астрономию, географию. Для подготовки к этим «высшим» занятиям были открыты две начальные школы (два класса — подготовительные отделения): «русская школа», где обучались чтению и письму, и «цифирная» школа, где учили счету и началам арифметики.

Срок обучения в школе не был установлен. Все науки изучались последовательно, и по мере их изучения ученики переходили из класса в класс. Окончившие класс арифметики переводились в класс геометрии, после него — в класс тригонометрии, затем — в мореходные классы. В отличие от других школ, где не было промежуточных испытаний, в Навигацкой школе учеников переводили из класса в класс только после сдачи экзамена.

В школу набирали юношей-дворян и горожан из числа «добровольно желающих, иных же паче с принуждением», в возрасте от 12 до 17–20 лет. Контингент учащихся был определен в 500 человек. Хотя Школа математических и навигацких наук по своему названию имела профессиональный профиль, тем не менее в ней

получали подготовку не только будущие моряки, но и артиллеристы, инженеры, геодезисты, чиновники разных ведомств и учителя для новых школ. В России пока еще не существовало специальных учебных заведений для подготовки учителей.

Наряду с преподавателями-иностранцами в Школе преподавали и квалифицированные русские педагоги, известные деятели науки того времени. Среди них особенно выделялся Леонтий Филиппович Магницкий — крупный российский просветитель и автор учебного пособия по математике. По мнению дьяка А. А. Курбатова, именно Л. Ф. Магницкий, а не А. Д. Фарварсон с помощниками, был душой школы. А. А. Курбатов отмечал, что уровень знаний Л. Ф. Магницкого как педагога и математика был значительно выше, чем «Степана Гвиня и рыцаря Грыза». Дьяк даже предполагал, что знания Л. Ф. Магницкого равны знаниям А. Д. Фарварсона, который являлся хорошим математиком, астрономом, геодезистом, знал морские науки.

Л. Ф. Магницкий был частым посетителем большой библиотеки Московского печатного двора, где главным образом интересовался книгами по астрономии, математике, физической географии. Он в совершенстве владел латинским и греческим языками, самостоятельно изучил немецкий, голландский и итальянский языки, а также знал стихосложение, философию и риторику. Л. Ф. Магницкий проработал в Навигацкой школе 38 лет: до последних дней жизни. Он писал учебные пособия, вместе с другими преподавателями разрабатывал и издавал математические и мореходные таблицы, днем проводил занятия в классах, а по вечерам занимался с отстающими учениками.

С созданием Навигацкой школы неразрывно связана и история военно-морского книгопечатания. Так, в начале XVIII в. было издано около 20 работ, в которых содержались сведения по навигации, астрономии и другим наукам. Они были переведены с иностранных языков и напечатаны в Амстердаме славянским шрифтом. Сведения по кораблевождению сообщались и в «Арифметике» Л. Ф. Магницкого, изданной в Москве в 1703 г. и ставшей первым русским трудом по математике, более века прослужившим основным пособием для преподавателей и учеников российских школ и сыгравшим важную роль в распространении грамотности в стране.

В 1705 г. состоялся первый выпуск учеников Навигацкой школы. Ее стены в том году покинуло 64 человека. Выпускников Навигацкой школы назначили на государственную службу в военные и гражданские учреждения, некоторых направили на строящийся Балтийский флот. Они приняли участие в Северной войне, отличились в сражениях при Гангуте, Эзеле, Гренгаме. Ближайшими соратниками Петра I в военном строительстве были питомцы Навигацкой школы Н. Ф. Головин, будущий президент адмиралтейств-коллегии, С. В. Лопухин, Ф. И. Соймонов.

Питомцы Навигацкой школы проявили себя не только в области мореплавания, но и в океанографических исследованиях и геодезических работах. В 1704–1720 гг. по решению русского правительства были организованы первые топографические экспедиции, куда назначались и выпускники Навигацкой школы, ставшие первыми русскими геодезистами и гидрографами. Они зарекомендовали себя знающими дело специалистами.

В первые пятнадцать лет своего существования Навигацкая школа дала десятки специалистов различных профессий, но уже не могла удовлетворить возросшие потребности флота. Со временем наиболее квалифицированные корабельные мастера и знающие флотское дело офицеры стали сосредотачиваться в Санкт-Петербурге. Появление нового регулярного флота привело к необходимости подготовки морских офицеров специально для него. 1 октября 1715 г. Петр I подписал указ об учреждении в новой российской столице Морской академии, которая создавалась на базе старших мореходных классов Навигацкой школы.

Утраченные чертежи Петербургской и Адмиралтейской крепостей: по материалам Походной канцелярии А. Д. Меншикова

16 (27) мая 1703 г. в дельте Невы была заложена деревоземляная крепость, возле стен которой стали строить новый город — Санкт-Петербург. Перед Петром I стояла задача развивать военные успехи в Ингерманландии и закрепиться на отвоеванных у шведов землях. Развернувшееся на берегах Невы масштабное строительство укреплений и застройка островов находились под контролем петербургского губернатора А. Д. Меншикова. Деятельность царского фаворита на посту губернатора нашла отражение в материалах его походной канцелярии. В настоящее время основная часть походной канцелярии А. Д. Меншикова хранится в Архиве СПбИИ РАН (ф. 83) и РГАДА (ф. 198). Начальный период Северной войны наиболее полно представлен в материалах ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова».

В эпоху Нового времени возведение крепостей бастионного типа было невозможно без знания достижений технических наук и фортификации. Исследователи до сих пор спорят, кто стал автором чертежей Петербургской деревоземляной, а затем и каменной крепости: В. А. Кириштенштейн, Ж.-К. Ламбер де Герен или сам Петр I. До нашего времени дошли два проектных чертежа Петербургской крепости (с одним и двумя рavelинами) 1703 г. Проекта возведения Адмиралтейской крепости не сохранилось.

В переписке А. Д. Меншикова с петербургским обер-комендантом Р. В. Брюсом, связанной со строительством Петербургской и Адмиралтейской крепостей, нередко встречаются упоминания об использовании чертежей. Это были не только чертежи, которые обер-комендант получал от Петра I и А. Д. Меншикова, но и те, которые составлялись по распоряжению самого Романа Вилимовича. Как правило, последние вместе с подробными описаниями прилагались к его отчетам о ходе городских работ. Летом 1704 г. Р. В. Брюс сообщил губернатору: «Сего июля 30 числа

подьячей Алексей Волков письма от милости вашей и городской чертеж мне отдал. И по тем письмам и по чертежу, что надлежит, управлять будем, и чертеж новой с подлинным описанием всему строению городскому, немедленно пришло».

Помимо Р. В. Брюса с губернатором поддерживал переписку, касавшуюся строительства Петербургской крепости, и саксонский инженер В. А. Кирштенштейн. 28 июня 1704 г. он сообщил: «К вашему превосходительству посылаю при сем чертеж здешней крепости Санкт-Петербурка, и при том назначено как кавалеру быть, такожде трех образцов рavelины и двух образцов фозсабреи». Очевидно, тогда же чертеж отправил А. Д. Меншикову и Р. В. Брюс. В июле 1704 г. он писал: «Чертеж, которой я наперед сего послал к милости вашей о строение рavelина и фозсебреи, изволь ваша милость приказать на том чертеже подписать, которым образцом поволити строить, и тот чертеж ко мне прислать». В начале августа обер-комендант снова докладывал: «Чертеж Санкт-Петербурху всякому городскому строению, также как и ковалер зачат строить, послал к вашей милости с подлинным описанием».

В 1706 г. в переписке Р. В. Брюса с А. Д. Меншиковым появляется Кронверк. В апреле Роман Вилимович сообщил: «При сем послал я до вашего сиятельства чертеж каким образцом указал его величество строить форверк при Санкт-Питербурхе».

Летом 1705 г. Р. В. Брюс не мог начать возведение Адмиралтейской крепости из-за отсутствия утвержденного чертежа. Только 17 сентября 1705 г. долгожданный план был доставлен в Санкт-Петербург, где через три дня началось строительство. Обер-комендант тогда доложил: «Против чертежа около вышепомянутого двора вымерели и по розмеру два бастиона далеко в реке будут, где пол-четверты сажени глубины, как показывает на малом чертеже, которой при сем письме послал к вашей милости». Второй чертеж Адмиралтейской крепости Р. В. Брюс получил от А. Д. Меншикова в ноябре 1705 г., будучи в Нарве. В ответ он сообщил: «приехал от вашего превосходительства Ерофей Муравьев, и письмо и чертеж крепости кругом Адмиралтейского двора привез, которой послал того ж дни в Санкт-Питербурх, и велел у дву бастионав, которые от реки, фасы делать болши, как на чертеже изволил ваша милость подписать».

В 1704–1705 гг. слово «чертеж» нередко встречалось в письмах других адресантов А. Д. Меншикова. В донесениях губернатору упоминались различные картографические материалы. В июне 1704 г. Б. П. Шереметев доложил об отправке изготовленной по его распоряжению «маппы» Дерпта. После взятия этой шведской крепости К. А. Нарышкин посылал губернатору чертежи с фиксацией различных этапов строительных работ. В июле 1704 г. к Котлину и Кроншлоту подошла шведская эскадра, и Р. В. Брюс сообщил губернатору: «А в которых местах те их суды стоят, послан к вашей милости чертежник». Одно из писем касалось застройки Адмиралтейского острова. 27 июня 1704 г. И. В. Кикин упомянул: «По данному мне чертежу, каков дан о строении изб, велено мне во всем спрашиватьца коменданта. И по отъезде твоём, государя моего, коменданта я докладывался, на котором месте их ставить, и во многих ли саженях первой линии быти от берегу».

Таким образом, не только строительство крепостей, но и застройка Адмиралтейского острова велась по чертежам. Надо полагать, что они были преимущественно глазомерными и безмасштабными. Чертежи нередко делали по распоряжению руководителей работ на различных этапах строительства, чтобы в случае необходимости своевременно внести поправки. Все изменения проектов согласовывались и утверждались А. Д. Меншиковым и, очевидно, по его докладу Петром I. К сожалению, ни одного из вышеупомянутых чертежей в фонде не сохранилось. Нередко на полях писем можно встретить выполненную почерком XVIII в. помету: «чертежа не сыскано». Надо полагать, что в походной канцелярии А. Д. Меншикова письма хранились отдельно от графических и картографических материалов.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42051 (Петровская эпоха)

Экономическое положение русских студентов во время финансового кризиса 1720 г. во Франции

Преобразования, которые осуществлял Петр Великий, требовали новых знаний и умений, источником которых выступали страны Западной Европы. Значительное число молодых людей направлялось царем в западноевропейские государства для освоения различных профессий. Обучение и жизнь за рубежом требовали определенных расходов, то есть денежное содержание нужно было доставить до места пребывания студента.

Опубликованные к настоящему времени архивные документы (указы Петра I, публикации материалов из РГАДА, осуществленные С. М. Троицким, Т. А. Лаптевой), письма и мемуарные свидетельства (например, письма А. П. Ганнибала) и отдельные научные исследования (в частности, монография С. А. Мезина о пребывании Петра I во Франции) позволяют восстановить общую схему, по которой проводилось финансирование расходов русских, командированных в Европу. При этом особое внимание уделяется причинам возникновения денежных проблем, которые испытали отечественные студенты, находившиеся на территории Франции во время финансового кризиса 1720 г.

Как известно, на рубеже XVII–XVIII вв. основу денежного обращения составляли серебряные и золотые монеты, в мелких расчетах использовалась и медная монета. Вместе с тем физические характеристики металлической монеты (вес, истираемость, необходимость проверки качества) стали существенно мешать осуществлению крупных сделок и развитию международной торговли. Одним из способов преодолеть недостатки обращения наличной монеты было широкое использование в международной торговле простых и переводных векселей. Основным объемом экспорта русских товаров в те времена проходил через Амстердам, крупнейший центр мировой торговли того времени. Купец, продавший «русский» товар за монету, передавал ее на депозит в Амстердамский банк. В качестве подтверждения сданных денег купец получал переводные векселя Амстердамского банка.

В дальнейшем, приобретая нужные ему товары (в том числе и в других странах), купец мог расплачиваться уже не тяжелой и непроверенной монетой, а этими векселями. Если же были нужны наличные, достаточно было предъявить вексель к платежу акцептанту, местному партнеру Амстердамского банка.

Таким образом, монета, полученная от российской внешней торговли, «складировалась» в Амстердамском банке, а расчеты велись главным образом посредством выданных банком векселей.

Данная схема была хорошо опробована во время путешествия Петра I в Европу в 1716–1717 гг., когда для надежности использовались как наличный, так и безналичный способы расчетов. Так, сразу по прибытии во французский Кале Петр I послал оттуда в Амстердам наказ о необходимости перевода в Париж векселей на крупную сумму с акцептом в парижском банке. В то время популярностью в Париже пользовался банк, возглавлявшийся Джоном Ло, имевшим деловые связи с Филиппом II, герцогом Орлеанским, регентом малолетнего французского короля.

Впоследствии переводы денег русским командировочным во Франции осуществлялись аналогично — из Амстердама, посредством переводных векселей.

Проверенная финансовая схема дала серьезный сбой в конце 1719 г. Денежная реформа, затеянная Джоном Ло (ставшим к тому времени министром финансов Франции), состояла в замене золотой и серебряной монеты в стране бумажными аналогами — банковскими билетами. Организованная им активная реклама привела к параллельной «раскрутке» билетов и акций Индийской компании, занимавшейся заморской торговлей. Лихорадочная торговля ценными бумагами охватила все слои французского общества. Возведенная финансовая пирамида в конце концов рухнула в мае 1720 г. Банк Джона Ло, выступая акцептантом по векселям и не имея наличной монеты, стал оплачивать иностранные векселя только собственными билетами.

Питомцы Петра I, находившиеся в то время в Париже, попали в исключительно трудную ситуацию. В обмен на присланные из Амстердама полноценные векселя выдавали лишь обесцененные банковские билеты. Об этом свидетельствуют письма того времени, адресованные кабинет-секретарю Петра I

А. В. Макарову, изучавших науки во французской столице А. Ганнибала, И. Каргопольского, Т. Посникова, И. Горлецкого. Студенты не могли оплатить учебу и проживание и даже голодали.

Констатируем, что учеба молодых людей во Франции в петровские времена не была слишком легкой. Помимо освоения «основной профессии», необходимо было проявить определенную финансовую грамотность (которую невозможно было получить на родине), проводить операции с ценными бумагами, посещать время от времени банк. Мешали учиться не только возможные соблазны и увлечения красивой жизни за границей, но и серьезные финансовые трудности, возникавшие в связи с происходившими за рубежом кризисными явлениями.

Сочинения гр. Д. А. Толстого об Академии наук, академической гимназии и университете как историческое пособие

В период становления отечественной исторической науки в XIX в. появлялись сочинения, которые сегодня могут быть отнесены к беллетристике, но также и к историческим пособиям, поскольку включают в себя объемные тексты исторических источников и с течением времени сами могут стать такими источниками, особенно в случае утраты подлинника. К таким сочинениям могут быть отнесены и труды Д. А. Толстого, министра народного просвещения (1866–1880), обер-прокурора Святейшего Синода (1865–1880), министра внутренних дел и президента Императорской Академии наук (1882–1889).

Научным студиям Д. А. Толстого во многом способствовала отставка в апреле 1880 г. Несмотря на то что она воспринималась и опальным министром, и окружающими как крах его служебной карьеры, все же у Толстого появился необходимый для ученых занятий досуг. В течение двух следующих лет он всецело посвятил себя истории образования, изучая дела Канцелярии Императорской Академии наук.

Архивные дела по распоряжению неперменного секретаря Академии наук К. С. Веселовского доставлялись Д. А. Толстому домой. Он работал увлеченно и в скором времени просмотрел все интересовавшие его документы. К. С. Веселовский сначала подумал, что Д. А. Толстой, как «барич-дилетант», ограничивался беглым просмотром архивных источников. Однако когда Д. А. Толстой продемонстрировал К. С. Веселовскому результаты изысканий, неперменный секретарь убедился в основательности его ученых занятий. Дмитрий Андреевич собственноручно делал из документов подробные выписки или снимал копии (либо это делали по его просьбе переписчики, а иногда и сам К. С. Веселовский), затем систематизировал их и отдавал в переплет. Переплетенные тома хранились в его кабинете в особом шкафу. На осно-

вании этих материалов он составлял исторические сочинения, справочную книжку, помещал их в приложениях к своим сочинениям или «сообщал» в исторические журналы. Эти занятия он продолжил и после своего назначения президентом Императорской Академии наук в апреле 1882 г., и став спустя месяц также министром внутренних дел. Как президент Академии наук он получил возможность выступать с сообщениями на заседаниях Историко-филологического отделения и публиковать свои сочинения в сборниках Отделения русского языка и словесности.

Главным итогом работы Д. А. Толстого в этом направлении и вершиной его научной деятельности стали сочинения 1883–1885 гг., посвященные истории российских учебных заведений в XVIII в.: «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии», «Академическая гимназия в XVIII столетии», «Академический университет в XVIII столетии», составленные по рукописным документам академического архива. Они появились в тот период, когда российское общество в очередной раз приступило к обсуждению системы образования и статуса Императорской Академии наук и проявило интерес к русскому просвещению XVIII в. Сведения о системе начального и среднего образования и роль в этом академических учреждений были в то время неполны и отрывочны, поэтому исследования гр. Толстого рассматривались еще в конце XIX в. как важный вклад в науку. Они вводили в научный оборот новые источники, до той поры не изученные. Д. А. Толстой подробно излагал сведения, извлеченные из архивных материалов, цитировал их либо помещал в приложениях. Таким образом он не только реконструировал деятельность этих учреждений, но и опубликовал список студентов академического университета, рапорт студентов А. П. Протасова и С. К. Котельникова, отправленных для продолжения учебы в Геттингенский университет, и выданную им инструкцию, содержащую перечень изучаемых предметов, положение об академической гимназии и инструкции для инспектора, преподавателей, воспитателей и гимназистов (большинство документов на немецком языке).

Выводы, сделанные Д. А. Толстым, во многом способствовали формированию отношения историков к истории академического университета и гимназии. Еще в советской историографии сочинения Д. А. Толстого по истории академического образования

использовались в качестве источников (например, Е. С. Кулябко), затем были привлечены к полемике, которая велась среди ленинградских историков по вопросу о времени возникновения Петербургского университета. Д. А. Толстой первым обратил внимание на самый факт учреждения при Академии наук гимназии и университета. Критическое отношение к работам министра не помешало Ю. Д. Марголису и Г. А. Тишкину использовать собранный Д. А. Толстым материал для аргументации своей точки зрения о том, что Петербургский университет был основан в начале XVIII в. Новый всплеск интереса к истории Академии наук и ее учреждений начался в конце 1990-х гг., когда в очередной раз вспомнили об источниковой базе сочинений Д. А. Толстого и приведенных им оценках академической гимназии и университета.

Вопрос о роли академических учреждений до сих пор остается дискуссионным, что не снижает ценности сочинений Д. А. Толстого. Кроме того, они дают возможность реконструировать детали повседневной жизни этих научных институтов.

«После чрезмерного питья и трудов жаловался на одышку...»: Дневниковые записи о Петре I из рукописного собрания Библиотеки РАН

«**Р**ost nimium potum, et labores de difficultate respirandi conquestus est...» — «После чрезмерного питья и трудов жаловался на одышку. Вечером предписал: Воды иссопа 1 унция, раствора янтаря, настойки астматической 10 капель, раствора эфирного масляного 15 капель. Ночью немного пропотел и почувствовал себя лучше», — первая запись на страницах печатного календаря на 1714 г. (БАН. Ин. Ф. 319) датирована 17–18 февраля, последняя — 18 декабря. Дневниковые записи медицинского характера сделаны на латинском языке, заметки с фиксацией событий — на английском и французском. Имена составителя дневника и его пациента отсутствуют. Однако анализ содержания дневника дает основание утверждать, что в нем идет речь о состоянии здоровья Петра I, преимущественно о его недомоганиях во время морского похода и предписаниях врача.

Эту гипотезу подтверждает хронологическая фиксация передвижения участников похода с 9 мая по 11 июня 1714 г., соответствующая поденной росписи деяний царя:

«9 мая. [Вышли] из Санкт-Петербурга и вечером прибыли в Кроншлосс».

«20 мая. Мы вышли из Кроншлосса».

«21 мая. Подошли к Березовому острову [Бьёркё, Беркен-Ейлант]».

«31 мая. От Березового острова достигли Варивалдая за один день».

«4 июня. Мы вышли из Варивалдая».

«5 июня. Прибыли в Готланд».

«10 июня. Мы вышли из Готланда и прибыли в бухту перед Ревелем вечером около часа».

«11 июня. Мы прибыли в Ревель» (ср.: Журнал, или Поденная записка <...> Петра Великого... СПб., 1770. Ч. 1. С. 427–431).

Хронология событий отражает деятельность Петра I по подготовке флота к предстоящим морским сражениям в ходе Северной войны. В 1714 г. царь неоднократно инспектировал и укреплял морские гавани Балтийского побережья. 9 мая он вывел флот из Петербургских гаваней и через Кроншлот и Ревель отправился в Финляндию на галере «Св. Екатерина». Продуманный Петром I тактический план расположения галер и кораблей способствовал победе русского флота в морской баталии у мыса Гангут 27 июля 1714 г.

Запись от 22 ноября на французском языке также не оставляет сомнений, что заметки касаются государя: «Ночью река замерзла... Его величество в 7 утра пробовал переправиться через реку в шлюпке, но она тут же сломалась».

Большая часть записей в дневнике 1714 г. посвящена описанию самочувствия пациента, симптомов недомогания, проведенного лечения и назначенных медикаментозных препаратов — рецептов настоек и микстур. Среди симптомов заболеваний упомянуты: затрудненность дыхания, депрессия, тревожность, морская болезнь, боль в диафрагме, отечность, выход желчи, диарея, катар, кашель. Ухудшение самочувствия пациента, вероятно, усугубляло чрезмерное употребление крепких напитков, отмеченное в дневнике: «*bibit nimis, bibit extra*» (пил чрез меры). Эти симптомы характерны для анамнеза заболеваний Петра I. Известно, что русский царь был человеком недюжинного здоровья и огромной физической силы, но себя не жалел и к здоровью относился расточительно. Мнения историков и врачей относительно диагностики заболеваний правителя различны. Из его недугов не подвергается сомнению лишь алкоголизм. Кроме того, известны проблемы с расстройством психики царя, припадками ярости и «черной меланхолии». Среди тяжелых хронических болезней медики диагностируют злокачественное заболевание предстательной железы, мочекаменную болезнь, нарушение функции почек, хронический гепатит, стриктуру уретры.

Анализ календарных записей не оставляет сомнения в том, что печатный календарь 1714 г. использован в качестве походного журнала или дневника врачом, сопровождавшим монарха в морском походе. С 1713 г. официальным лейб-медиком Петра I был его близкий соратник, уроженец Шотландии Роберт Карло-

вич Арескин (Эрскин, 1677–1718), доктор медицины и философии, приехавший на службу в Россию в 1704 г. Таким образом, автором записок о состоянии здоровья монарха является «архиатр его царского величества» Роберт Арескин, возглавлявший Аптекарскую канцелярию (приказ), Библиотеку и Кунсткамеру. Шотландский ученый внес большой вклад в развитие медицины в России, способствовал организации врачебной помощи в войсках и на флоте, открытию аптек и лечебных учреждений.

Эрудит и полиглот Роберт Арескин, обучавшийся практической медицине в Эдинбурге, Париже и Утрехте, владел несколькими иностранными языками и собрал библиотеку, насчитывавшую более 2500 томов, которая единым комплексом не сохранилась. В рукописном собрании Библиотеки РАН есть несколько манускриптов, принадлежавших Р. Арескину, в том числе его записная книжка 1697 г. и две тетради с записями о состоянии здоровья Петра I, благодаря которым идентифицирован почерк архиатра. Походный дневник (F. 319) из собрания иностранных рукописей к настоящему времени полностью не исследован. Он относится к числу подлинных оригинальных источников петровского времени, касающихся личности великого российского правителя.

Посланник Петра I в Сибирь Д. Г. Мессершмидт: ботанические рисунки в рукописях ученого

С первых дней пребывания в сибирской экспедиции немецкого врача и естествоиспытателя Даниэля Готлиба Мессершмидта (*Daniel Gottlieb Messerschmidt*; 1685–1735), в которую он был направлен именным приказом Петра I и которая длилась восемь лет (1719–1727), ботанические исследования стали одним из центральных вопросов его научной программы. Первые рисунки (в том числе ботанические) были приложены к известному IV рапорту путешественника, отправленному в Петербург 25 июня 1720 г. из Тобольска, где Д. Г. Мессершмидт оставался больше года, готовясь к большой сибирской экспедиции. Однако эти первые рисунки не являлись еще результатом самостоятельных исследований — это были сведения, предоставленные шведскими ссыльными, которые объединились вокруг Курта Фридриха фон Врееха (*Curt Friedrich von Wreech*), создателя и руководителя немецкой школы для детей пленных, и развернули в Тобольске широкое изучение природных богатств Сибири, ее населения и близлежащих земель.

Примеры иллюстративной фиксации собственных исследований Д. Г. Мессершмидта находим в его путевом дневнике (журнале), который с 1 марта и до 28 мая 1722 г. вел его сотоварищ по сибирскому путешествию и соратник, пленный капитан Филипп Иоганн Страленберг (*Philipp Johan von Strahlenberg*; 1676–1747). С 28 мая 1722 г. путевыми записями занимался сам Д. Г. Мессершмидт, оставшийся до конца своей экспедиции без какого бы то ни было ученого спутника и исполнявший все обязанности, в том числе рисовальщика, самостоятельно. Наиболее значимые ботанические рисунки относятся к июлю 1724 г. — времени путешествия по Забайкалью. Известно, что часть археологических рисунков, привезенных Д. Г. Мессершмидтом из экспедиции, была выполнена юным рисовальщиком-самоучкой Карлом Густавом фон Шульманом (*Karl Gustav von Schulmann*; 1702–1765),

находившимся в экспедиции вместе с Ф.И. Страленбергом. Однако, как было доказано, после того, как К. Шульман вместе с Ф.И. Страленбергом покинул экспедицию, рисунки выполнял сам Д.Г. Мессершмидт — хотя и не профессионально с художественной точки зрения, но с соблюдением необходимой научной точности. Важно то, что путешественник зафиксировал в дневнике вид и состояние растений *in situ*. Тогда были описаны и зарисованы в дневнике шесть растений: *Iris*, *Lathyroides* (с фиксацией разных стадий развития цветка и плода), *Armeniaca saxatilis* (с детальным изображением плода), *Cerasomalus Davurica montana* (также со специальным изображением плода), *Mespiloides*, *Chrysosplenius* и рисунок без подписи.

Другой важный блок ботанических рисунков, созданных Д.Г. Мессершмидтом, находится в его итоговой отчетной рукописи, составленной после возвращения в Петербург в 1727 г., «Sibiria Perlustrata» («Описание Сибири»). Отдельная глава этой рукописи посвящена царству растений («Regnum Vegetabile») и содержит перечень из 1290 растений, применяемых в медицине и упомянутых в известном в то время труде Самуэля Дейла (*Samuel Dale*; 1659–1739) «Pharmacologiae, seu manuductionis ad materiam medicam supplementum», а также работе классика ботанической науки Жозефа Питтона де Турнефора (*Joseph Pitton de Tournefort*; 1656–1708) «Institutiones rei herbariae». Часть из них (более четырех сотен) Д.Г. Мессершмидт встретил во время своего сибирского путешествия и указал в рукописи места их распространения по пути своего маршрута.

Отдельный раздел отводился для ботанических рисунков, которых должно было быть восемь, однако внутри этого раздела помещено только пять рисунков. Три отсутствующих изображения — это те, которые прилагались к IV рапорту. В «Sibiria Perlustrata» для них отведены три листа, сохранившие в заголовках названия растений и отсылку к упомянутому рапорту. По какой причине рисунки не были добавлены, можно только предполагать.

В названном разделе рукописи помещены выполненные Д.Г. Мессершмидтом тушью и чернилами рисунки двух растений, которые представлены в дневнике: *Lathyroides*, *Mespilus montana* (в дневнике подписана как *Mespiloides*). Еще два рисунка

из дневника помещены в раздел рукописи, представляющий собой перечень привезенных из Сибири образцов: *Armeniaca Davurica saxatilis* и *Oeroel vel Urul-modo Daviriae* (в поясняющей надписи растение названо *Malus Davurica montana*; в дневнике — *Cerasomalus Davurica montana*). В иллюстративном разделе также тушью и чернилами выполнена зарисовка деформированной ветки березы. Два оставшихся рисунка (*Carachana Davurica* и *Aldachana Davurica*) — цветные, выполнены в более художественной манере, что заставляет предполагать участие в подготовке рукописи художников, в частности, академического гравировальщика Георга Иоганна Унферцагта (*Georg Johann Unverzagt*; 1701–1767).

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-42010

Изображения фортификационных сооружений Сибири в трудах Н. Витсена, С. У. Ремезова и в материалах Академического отряда Г. Ф. Миллера

В течение XVII в. отправляемые на службу в Сибирь воеводы получали указания присылать в Сибирский приказ карты (или чертежи) своих уездов и «новых земель», куда будут отправляться служилые люди. Судя по всему, указания эти добросовестно выполнялись, и постепенно в Сибирском приказе происходило накопление таких карт, отражавших реалии времени их составления.

Побывавший в России в 1664–1665 гг. голландец Н. Витсен завязал дружеские отношения с голландцем же по происхождению А. А. Виниусом, которые они сохраняли до конца жизни. Вероятно, через него Н. Витсен получил материалы с изображением уездных центров Сибири, которые, в виде рисунков, были затем опубликованы в его труде «Северная и Восточная Тартария», изданном в Амстердаме в 1692 г.

Изображения этих уездных центров мы видим и в «Чертежной книге Сибири», составленной тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым с сыновьями к 1701 г. по заданию того же А. Виниуса, возглавлявшего с 1697 г. Сибирский приказ. В отличие от рисунков Н. Витсена, имеющих объем и перспективу, у С. У. Ремезова изображения сибирских городов имеют схематичный вид и являются именно чертежами. Однако содержание рисунков Витсена и чертежей Ремезова говорит о том, что они имеют единые протографы. Более того, известно, что именно А. Виниус предоставил С. У. Ремезову ранее привезенные из Сибири в Москву чертежи сибирских городов и острогов. О том, что он уже поработал с этими изображениями, свидетельствуют имеющиеся на листах «Чертежной книги» надписи на голландском языке.

На рисунках Н. Витсена и чертежах С. У. Ремезова присутствуют изображения оборонительных сооружений сибирских

уездных центров: стены, башни (проезжие и глухие). Несмотря на то что эти изображения были сделаны до середины 1660-х гг., они позволяют нам, с привлечением дополнительных источников, получить представления об их состоянии и к началу XVIII ст.

В 1733–1744 гг., во время работы в сибирских уездных центрах Академического отряда под руководством Г. Ф. Миллера, появляются новые изображения некоторых сибирских городов — «проспекты» (или виды), сделанные художниками («рисовальщиками») экспедиции И.-В. Люрсениусом и И.-Х. Беркханом. Изучение этих «проспектов» дает возможность судить о состоянии оборонительных укреплений сибирских городов во время работы Академического отряда Г. Ф. Миллера. А их сопоставление с рисунками из книги Н. Витсена и с чертежами С. У. Ремезова позволяет определить точность изображений фортификационных сооружений, сделанных ранее по указанию сибирских воевод. Эта проблема является весьма актуальной, поскольку изображения сибирских уездных центров у Витсена и Ремезова являются условными и часто весьма далекими от реальности. Например, острожные стены Енисейска у них представлены в виде квадрата. В то время как Енисейский острог, а затем и город был вытянут вдоль берега Енисея. Острог имел соотношение продольных (вдоль берега Енисея) и поперечных стен в соотношении примерно 2:1, периметр которых представлял собой неправильный четырехугольник.

Изображения городских стен и башен на «проспектах» городов XVIII в. помогают исследователям определять их реальное расположение относительно рельефа местности и наиболее значимых объектов городской застройки, например церквей. Проводимые в ряде сибирских городов археологические раскопки свидетельствуют, что учет этих обстоятельств оправдан: полученные археологами материалы подтверждают соответствие расположения укреплений на изображениях городов реалиям того времени. А дополнение этой информации сведениями из письменных документальных источников позволяет восстановить облик сибирского города рубежа XVII–XVIII вв.

Сопоставление использованных в трудах Н. Витсена и С. У. Ремезова изображений сибирских городов и острогов с «проспектами» этих городов, сделанными участниками Академического от-

ряда Г.Ф. Миллера, дает возможность получить представление не только о внешнем виде этих укреплений во время создания изображений-протографов, использованных голландцем и тобольским сыном боярским, но и о степени их сохранности во время работы Академического отряда Большой Камчатской экспедиции.

«Петергартен» Феофана Прокоповича и его выпускники

Школа, созданная Феофаном Прокоповичем в 1721 г. в его имении на р. Карповке в Петербурге и названная в честь Петра I «Петергартен» (Сад Петра), стала первой — и при этом успешной — попыткой создать в российской столице среднее учебное заведение по европейскому образцу.

В докладе проводится анализ истоков программы школы, основанной на многолетнем опыте Феофана Прокоповича, обучавшегося и преподававшего в Киево-Могилянской академии, а также на знаниях, полученных им в европейский период обучения. Учебный план заведения на Карповке сопоставляется с соответствующим разделом «Духовного регламента» об организации преподавания в училищах, к авторству которого Прокопович был причастен. Делается акцент как на сходстве, так и разительном отличии этих программ (в частности, отмечается поощрение игры в школе в городки и музицирования).

Обсуждается дошедший список краткого «Устава школы», составленного Прокоповичем и хранящегося в БАН, который читался в начале каждого месяца занятий. Текст сопоставляется с более полной версией «Устава», где подробно описываются бытовые условия проживания учеников в школе. Проводится текстологический анализ разночтений совпадающих частей «Устава».

Ввиду отсутствия надежных архивных данных о преподавателях школы Феофана Прокоповича, анализ проводится на основе его (немногочисленных) опубликованных латинских писем, а также дошедших (также латинских) ответов адресатов. В этой связи обсуждаются дружеские отношения Феофана Прокоповича с Теофилом (Готлибом) Зигфридом Байером (1694–1738), который посвятил основателю школы свой написанный в Петербурге «Museum Sinicum». Осторожно взвешивается перечень предметов, которые он — будущий и бессменный инспектор Академической гимназии — мог преподавать до этого в школе

на Карповке, прибыв в Петербург в 1726 г. (или — по другим сведениям — годом раньше).

Важно также установить ошибки предшественников, которые уверенно предлагали в качестве преподавателей древних языков в школе Феофана Прокоповича лиц, которые не могли ими — по разным причинам — являться. Первой из таких отвергаемых в докладе фигур был Адам Бурхард Селлий (1707–1745), переехавший в свое время в Петербург и оставивший заметный след в российской историографии. В докладе подробно разбираются причины, по которым он не может считаться сотрудником Феофана Прокоповича. Еще одним кандидатом на роль преподавателя латинского языка у Феофана Прокоповича в научной традиции был Георгий Фридрих Федорович, впоследствии известный юрист, ставший профессором юриспруденции университета при петербургской Академии наук и бывший одним из немногочисленных сторонников Ломоносова. Рассматриваются хронологические причины, мешающие считать его преподавателем школы «Петергартена».

Известно, что наиболее талантливые ученики школы отправлялись Феофаном Прокоповичем в несколькими годами позже созданную Академическую гимназию Петербурга — при этом у основателя «Петергартена», судя по всему, не было по этому поводу ни зависти, ни ревности. В докладе прослеживаются судьбы таких известных выпускников школы, как переводчик и статс-секретарь при Екатерине II Г. Н. Теплов (1717 (?) — 1779), действительные члены Академии наук А. П. Протасов (1724–1796), С. К. Котельников (1723–1806) и другие.

К истории русской академической терминологии в канун петровских реформ

Педагогические преобразования начались в России задолго до Петра I, они шли уже в XVII в. Значение первых опытов в организации систематического обучения тем большее, что они производились на пустом месте. Древняя Русь обходилась без школ как общественного института, ибо технические процедуры, связанные с письмом и чтением, не могли быть, по понятиям людей того времени, отделены от конфессии. Вместе с первыми образовательными учреждениями обогащалась лексика. Для данной работы выбран раздел лексики, касающийся номенклатуры лиц, причастных к процессу обучения (*nomina agentis*).

Большой пласт неологизмов принесли события, связанные с открытием Московской академии (1687 г.). Раньше по той же модели была организована академия в Киеве. Закономерно, что ряд терминов, связанных с учебным процессом, язык московской письменности освоил, оказавшись под киевским влиянием. Еще одним источником педагогической терминологии стали переводы. В «Вестях-Курантах» регистрируется самое раннее употребление слов *студент* (1631) и *профессор* (1649). Лексика обновлялась не только за счет варваризмов. Одни слова вытеснялись другими, вместо *речеточец* теперь писали только *ритор*. Появляются в обороте слова, применявшиеся раньше в ограниченных масштабах (*мастер* в отношении наставника по грамоте), утрачиваются религиозные коннотации в термине *учитель*, чередуящемся теперь с заимствованным эквивалентом *дидакал*.

Нововведения в педагогической лексике лучше видны на фоне редких случаев, когда, задолго до каких-либо сдвигов в учебной сфере, имела место инфильтрация терминологических экзотизмов в русскую письменность. Предлагается рассмотреть несколько контекстов с подобными экзотизмами. Простейший случай — послесловие Дмитрия Герасимова к переводу Толковой Псалтири епископа вюрцбургского Брунона (1535). Труд, говорится там, «преложен» «потружением и послужени-

ем грешного и малоученаго Димитриа *схоластика*, рекше *ученика*». Самоумаление здесь этикетное, но *схоластиком* Герасимов имел основания называть себя, ибо некогда он учился в ливонской школе. Термин *магистр* пришел из польского языка в форме *мистр*. Впервые он фиксируется в послании Василию II Феофила Дедеркина о землетрясении в Италии. Бедствие не в силах были бы описать, «аже бы *мистрове* писари изо всех стран колиждога языка згонули бы ся вместо». По-видимому, составитель происходил из Литвы, полонизмы есть и в найденном недавно переводном тексте с именем этого же Феофила. Уже в XV в. его писания достигли Северо-Восточной Руси, послание читается в одном из сборников Ефросина Белозерского. Другой пример использования термина *мистр* — переведенный с польского языка «Разговор магистра Поликарпа со смертью». Перевод выполнен в первой половине XVI в. в Волоколамском монастыре, но смысл оригинала изменен. Макабрический юмор сочинителя заключался в том, что перед всемогуществом смерти преисполненный самомнения *учитель* — *мистр* превращается в трепещущего *школяра*. Роль учителя переходит к смерти. Переводчик последовательно устраняет все аллюзии, связанные с институтом школы, перевод превратился в обыкновенное монашеское поучение с призывом помнить о смерти.

Интересны тексты, в которых встречается термин *доктор*. Первый памятник — Тверская летопись. В 1534 г. над ней работал ростовский книжник, записавший традиционную декларацию о своем невежестве, однако на редкость пространную и использующую нестандартные образы. Принижая свои способности, книжник заявляет: «...ни научихся *дохторскому* наказанию, еже съчиняти повести и украшати премудрыми словеса, яко же обычай имут ритори». Топос надлежит толковать по принципу противоположности. Ростовчанин несомненно понимал: слово *доктор* характеризует человека, достигшего по результатам обучения («наказания») определенной квалификации. Второй памятник XVI в. — Послание Николаю Булеву о латинском отлучении, ошибочно приписанное Максиму Греку. Послание представляет собой компиляцию, составленную из разных источников, в числе их писания «боярина-западника» Федора Карпова. В тексте различимы следы утраченного сочинения

Карпова, на что не обращали до сих пор внимания. Следы видны в семантических кальках латинских слов, известных по сочинениям Карпова, и во фонофонетических мотивах, выдающих мастера эпистолярного жанра. Все это сопровождается дифирамбом митрополиту Даниилу. Рекомендую адресату прислушаться к Даниилу, автор заявляет: «Егда изящнаго разума Христова закона *доктора* святаго митрополита многими сообщена художествы узриши, любезнее слышати имаши». Никто тогда, кроме Карпова, не осмелился бы присвоить московскому митрополиту заимствованную из лексикона Западной Европы ученую степень *доктора*.

Экскурсы по истории отдельных элементов русской педагогической терминологии позволяют лучше понять, из каких ростков собрался пышный букет слов, употреблявшихся в Петровскую эпоху в школьной и академической жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00171

**Александр Македонский
в Библиотеке Петра Великого: к истории
лицевой рукописи Сербской Александрии
Библиотеки Российской академии наук**

В Библиотеке Российской академии наук (БАН) хранится рукопись альбомного формата, написанная каллиграфическим «книжным письмом», «в лицах» (П. I. Б. № 99, далее — Акад.). Ее текст — славянский перевод Псевдокаллисфенова романа об Александре Македонском. Появившийся не позднее III в. н. э., уже в первой версии роман соединял в себе историческое повествование с фантастическими приключениями. Еще большее развитие волшебные мотивы получили в его поздних средневековых вариантах. Одним из таких вариантов стала греческая редакция, перевод которой на славянский язык через гипотетическую промежуточную редакцию появился на рубеже XIII–XIV вв. на Балканах (Сербская Александрия). На Русь этот текст попал не позднее XV в. и завоевал широкую популярность, о чем свидетельствует большое количество дошедших до наших дней списков памятника, четырнадцать из которых — лицевые, в том числе и Акад.

Яркий и образный текст романа давал прекрасный материал для иллюстраций. Неудивительно, что рукописи лицевой Александрии, сочетавшие в себе исторические и поучительные сюжеты с многочисленными этнографическими и мифологическими подробностями, были «потешными» книгами — одним из элементов в образовании и воспитании русских царевичей. И. М. Кудрявцев убедительно показал, что Акад. был создан специально для юного Петра I. Работа над этим роскошным лицевым памятником, иллюстрированным 128 «лицами на александрийской бумаге золотом, и серебром, и красками», началась в Посольском приказе в июле 1675 г. Книга осталась неоконченной: судя по известным циклам иллюстраций Сербской Александрии, в ней не хватает от 6 до 40 миниатюр, а текст обрывается в самом начале эпизода

об отравлении Александра. На то, что книгу готовили в спешке, указывала И. Н. Лебедева: бумага разных сортов (до десяти) перемешана в кодексе, кроме того, количество золотых украшений в рукописи явно не совпадает с той росписью, по которой золото требовалось и было выдано исполнителям в 1676 г. Золотом были выполнены только «заставица с прописною строкою» (л. 1) и единственная буквица (л. 2 об.). В остальном твореное золото (для украшения оружия, доспехов, сбруи, инсигний, одежд и пр.) и серебро (чудище «коркодил», л. 222) использовано для раскрашки миниатюр.

В 1932 г. Российская национальная библиотека (РНБ) приобрела собрание П. П. Вяземского, в составе которого находились 3 лицевых Сербских Александрии. Из них нам интересна рукопись Q. 108 (далее — Вяз.), к сожалению, она сохранилась в расплетенном состоянии, нет начала и окончания, многочисленные листы в книжном блоке утеряны или сильно повреждены. Текст Вяз. был отнесен Е. И. Ванеевой к той же группе сводных текстов, что и Акад. При ближайшем рассмотрении оказалось, что тексты почти идентичны, вплоть до точного совпадения в написании многочисленных имен собственных. Тем не менее есть некоторые различия: там, где в Акад. пропущены фразы, они точно соответствуют одной строке Вяз. (например, л. 76 и 13 об.), а там, где в Вяз. допущены ошибки, они скопированы в Акад., в некоторых случаях с исправлениями поверх (ср.: л. 15 и 80 об., л. 31 и 101). Это позволяет предположить, что Вяз. — антиграф Акад. Такому предположению не противоречит анализ филиграней бумаги. С одной стороны, при изготовлении рукописей Вяз. и Акад. использована бумага одного сорта: лилия в гербовом щите под короной с лигатурой WR, графически сходная со знаком № 940 в каталоге Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной. С другой стороны, остальные использованные сорта бумаги по датировке филиграней в Вяз. более ранние, чем в Акад.

Сохранившиеся 49 миниатюр Вяз. по сюжетам аналогичны соответствующим миниатюрам Акад. Миниатюры выполнены тонкими уверенными линиями высокопрофессиональным художником и раскрашены. Как и в Акад., в оформлении пейзажей и интерьеров заметно сильное влияние западноевропейской гравюры XVI–XVII вв. По большей части композиции миниатюр

совпадают полностью, вплоть до деталей, в шести случаях в Акад. списке есть некоторые добавления, и только в одном случае миниатюры отличаются (ср.: л. 101 об. и 258). В тех местах, где в Вяз. миниатюры отсутствуют (например, л. 14, 25 об., 46 и пр.), специальные знаки в тексте чернилами (крестики) указывают на те места, где в Акад. иллюстрации добавлены. Добавим, что в Вяз. нет следов использования золота и серебра, а сама рукопись имеет меньший книжный формат — «в четверку».

Таким образом, можно выдвинуть предположение, что Вяз. являлся черновой рукописью, созданной в том же Посольском приказе в первой половине 1670-х гг. На основе этого черновика разрабатывался миниатюрный цикл экземпляра иллюстрированного романа о покорителе вселенной для будущего российского императора. Акад. остался незаконченным, и в нем есть утраты, но в четырех случаях, благодаря Вяз. (л. 141, 150, 151 об., 163 об.), можно составить представление об утраченных миниатюрах списка Акад.

Авторская манера миниатюр Петровской копии Радзивилловской летописи

Радзивилловская летопись стала известна еще в петровское время. По утверждению исследователей, Петр I впервые увидел рукопись в 1697 г. в Королевской библиотеке Кенигсберга, где он находился в составе Великого посольства, направляющегося в Европу. Рукопись привлекла внимание государя не только своим содержанием, но и многочисленными миниатюрами, написанными в красках. Петр I велел изготовить копию Радзивилловской летописи, которая через некоторое время была ему прислана, а после смерти первого российского императора поступила в Библиотеку Академии наук (П. I. Б. № 77).

Задачей нашего исследования стало изучение авторской манеры миниатюр Петровской копии, определение количества копиистов и основных этапов работы, а также сравнение миниатюр Петровской копии с миниатюрами Радзивилловской летописи. Особенностью данного исследования является то, что мы имеем возможность сравнить работу копиистов с протографом, подлинность которого не оспаривается.

«Факсимильной» точностью Радзивилловской летописи Петровская копия не обладает. Это скорее вольная интерпретация, сохраняющая основные, наиболее важные детали иконографии, которые дают возможность судить по копии об оригинале в целом. Копиисты сохранили, как сумели, основные признаки авторской манеры мастеров Радзивилловской летописи, оставляя «за скобками» важные нюансы и особенности миниатюр оригинала. Петровская копия отличается от Радзивилловской летописи как форматом и почерком, так и расположением миниатюр на листе. Как и что осмыслили художники при копировании миниатюр оригинала, какие детали они сохраняли, изменяли или упускали как незначительные, каким образом происходило обобщение авторской манеры мастеров Радзивилловской летописи, все это представляет круг наших исследовательских интересов.

Мы ранее предположили, что над миниатюрами Радзивилловской летописи работали два автора: первый был начинающим художником, а второй — более опытным мастером, возможно писцом, который правил миниатюры первого мастера. В Петровской копии Радзивилловской летописи наблюдается работа двух художников (копиистов), отличающихся друг от друга как манерой рисунка, так и раскраской миниатюр, причем, в отличие от мастеров Радзивилловской летописи, они не пересекались между собой, не правили работу друг друга, работая последовательно: начинал рукопись первый копиист, а заканчивал — второй. Причем у второго копииста значительно больше миниатюр, чем у первого.

Первый копиист (л. 2 об. (7 об.) — л. 104 (109)) рисует черными чернилами в цвет чернил текста. В миниатюрах он имитирует манеру рисунка ликов второго автора Радзивилловской летописи, а иногда подражает ликам первого автора. Он старается повторять пропорции фигур, сохраняя их угловатость и большие головы. Уздечку лошадей он сохраняет от манеры первого мастера, рисует ее неизменно, даже там, где видит уздечки в манере второго мастера Радзивилловской летописи. Здесь мы видим избирательность в деталях и предпочтение манере первого мастера копируемого протографа. В раскраске у первого копииста мы видим шесть основных цветов: серо-голубой, салатно-зеленый, красный, желто-оранжевый и светло-фиолетовый, а также черный.

Второй копиист рисует с л. 105 (110) и до конца рукописи, л. 300 об. (305). В первых миниатюрах второго копииста мы замечаем подражание рисунку ликов второго мастера Радзивилловской летописи, но в дальнейшем он переходит на свой собственный тип ликов, не имеющий прямого сходства с типами ликов мастеров Радзивилловской летописи. Цвет чернил обводки второго копииста коричневого цвета, в начале более светлого тона, а потом чернила становятся более плотными и яркими. Возможно, вначале он работал кистью, а потом перешел на перо. Второй копиист предпочитает, как по форме, так и по цвету (красный), уздечку второго мастера Радзивилловской летописи. Он использует в раскраске больше цветов, чем первый копиист, хотя в его палитре отсутствует серо-голубой, но дополнительно к салатно-зеленому добавляется травянистый зеленый, к желто-оранжевому — желто-лимонный, к черному — коричневый, а красный

и светло-фиолетовый цвета остаются такими же, как и у первого копииста. В целом миниатюры первого копииста, благодаря серо-голубому цвету, имеют более холодный «минорный» колорит, а миниатюры второго копииста расписаны в более «мажорных» ярких тонах. Для второго копииста характерно раскрашивание в желтый цвет лодок, что не соответствует оригинальной раскраске.

Можно предположить, что копиисты не стремились к скрупулезному копированию всех особенностей манеры художников Радзивилловской летописи, а только пытались сохранить общую иконографию миниатюр, соединяя обе копируемые манеры в одну и добавляя к ней свою авторскую манеру.

Путешествия Петра I: отражение в рукописях из петровского собрания БАН

Путешествия Петра I по европейским странам получили широкое распространение в историографии. Многие источники по этой теме были опубликованы и продолжают изучаться. Его поездки сопровождалась дипломатическими контактами и церемониальными приемами, в рамках которых происходили события, не только важные с политической или военной стороны, но и представляющие значительную культурную ценность. Эти события культурной жизни часто отражались в литературных, научных, художественных и музыкальных произведениях, отложившихся в виде отдельных рукописных памятников в составе Библиотеки Петра I. Точные датировки нескольких поданных экземпляров рукописей демонстрируют особые обстоятельства их изготовления и поднесения Петру Алексеевичу.

Знаменитый трактат Адриана Шхонебека «Краткий способ в совершенстве научиться искусству офорта» (П. I. Б. № 154) датирован 1 января 1698 г. Прошение на имя второго посла Великого посольства, будущего главы Посольского приказа, окольного Ф. А. Головина «о принятии службы его царского величества» он подал 30 декабря 1697 г. Спустя два дня, вероятно, в честь празднования Нового года по григорианскому календарю, А. Шхонебек преподнес Петру собственноручно написанную книгу. Рукопись на голландском языке, текст помещен только на лицевых сторонах листов, оборотные стороны оставлены чистыми, возможно, для перевода. Рукопись содержит семнадцать рисунков пером, изображающих инструменты и процесс гравирования. Руководство А. Шхонебека представляет собой оригинальное сочинение, в котором отсутствуют прямые заимствования из более ранних трудов, абсолютно оригинальными являются и иллюстрации. Его можно считать первым учебником по гравировальному искусству, в котором отразился именно голландский опыт гравирования.

Среди рукописей, привезенных царем из второго путешествия, особый интерес представляет партитура оперы (зингшиля)

(П. I. Б. № 118). Рукопись была поднесена Петру I и Екатерине 5 декабря 1716 г. в честь именин царицы во время пребывания августейшей четы в Гамбурге. Автором этой оперы был знаменитый композитор Рейнхард Кайзер (1674–1739), а посвящение написано от лица директора Гамбургской оперы Иоганна-Генриха Зауербрея.

В январе 1717 г. Агнес Вэйвел опубликовала на французском языке трактат в защиту математических воззрений своего отца Даниэля Вейвеля «*Traité ou Considérations mathématiques et impartiales sur la Démonstration de la Quadrature du Cercle*». Эту работу она посвятила королю Великобритании Георгу I, который считался защитником протестантской веры и поборником наук и искусств. Посвящение подписано: «Вашего величества смиреннейшая, покорнейшая и преданнейшая слуга Агнес Вейвел. Гаага, 1 января 1717 г.». Спустя три месяца, 28 марта 1717 г. Агнес Вейвел преподнесла голландский оригинал французского трактата русскому царю Петру. К рукописи на голландском языке были приплетены два печатных трактата Даниэля Вейвеля 1712 и 1714 гг. (П. I. Б. № 42). Известно, что именно в этот день Петр посетил Лейденский университет.

Путешествия царя представляют собой важные политические события, которые определяли направления политической жизни не только России, но и других европейских стран. На примере рукописей, поднесенных Петру во время его европейских путешествий, можно отметить, что культурные контакты Петра могли формировать направления в развитии «наук и искусств» в России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42003

Маргиналии Стефана Яворского и религиозная полемика Петровской эпохи

В докладе представлены книги Стефана Яворского (1660–1722), которые были выявлены в составе мемориальной библиотеки Феофилакта Лопатинского в фондах Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук (НИОРК БАН).

Основу этой библиотеки составляет личная библиотека архиепископа Тверского и Кашинского Феофилакта Лопатинского (1670-е — 1741), который при жизни Стефана Яворского был ректором Московской славяно-греко-латинской академии. Библиотека содержала свыше 1400 томов и была конфискована Тайной канцелярией после ареста владельца в результате так называемых архиерейских процессов в 1738 г. После реабилитации Феофилакта Лопатинского в 1740 г. и его смерти в 1741 г. библиотека (в количестве ок. 950 книг) была передана в Тверскую духовную семинарию. В течение XVIII в. собрание книг Тверской семинарии пополнялось ценными изданиями XVI–XVIII вв. После революции 1917 г. семинарию закрыли, а книги передали Калининскому педагогическому институту. В 1959 г. редкие книги из библиотеки института были переданы в Библиотеку Академии наук СССР.

Несмотря на то что книги Феофилакта Лопатинского составляют лишь часть собрания, оно было названо в честь тверского архиепископа. Книги Стефана Яворского в собрании Феофилакта Лопатинского были либо подарены Феофилакту Яворским (вышестоящим иерархом, учителем в Киевской академии и другом), либо попали в библиотеку каким-то иным путем.

В фондах НИОРК БАН в настоящее время обнаружен 31 экземпляр печатных книг XVI–XVIII вв., принадлежавших Стефану Яворскому либо имеющих пометы, выполненные его рукой. При изучении маргиналий, оставленных экзархом российской церкви на книгах, мы обратили внимание на их связь с различными религиозными полемиками (с католицизмом, униатством,

протестантизмом, старообрядчеством и политикой секуляризации), в которых он участвовал. На материале шести книжных памятников, содержащих маргиналии Стефана Яворского, датируемых с 1690-х гг. до последних лет его жизни, мы делаем следующие выводы:

1. В маргиналиях находит наиболее полное отражение антикатолическая и антипротестантская литературная, пасторская и богословская деятельность Стефана Яворского, а также его противостояние политике секуляризации Петра I.

2. Маргиналии позволяют проследить историю работы Стефана Яворского над текстом своих проповедей и главного богословского труда «Камень веры»; в частности, это верно в отношении Нового Завета киевского издания 1692 г. (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа, и при нем Псалтирь. [Киев, типография Киево-Печерской лавры,] 1692. Экземпляр НИОРК БАН. 747-л). Его рукописные комментарии к священному тексту носят в основном полемический характер и представляют собой своеобразные упражнения в религиозной полемике, которые впоследствии могли переноситься на страницы книг, предназначенных к печати.

3. В своем богословском наступлении на московских протестантствующих вольнодумцев («кружок Дмитрия Тверитинова») Стефан Яворский активно использовал сочинение Н. Бергиуса и Г. Кроока «О состоянии религии и церкви москвитов» (*Bergius N., Krook G. ...Exercitatio historico-theologica de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae... Lubecae, Impensis Joh. Wiedemeyeri, 1709*. Экземпляр НИОРК БАН. 406-л), судя по оставленным им в экземпляре этого сочинения маргиналиям.

Пункты критики православного вероучения и православных религиозных практик со стороны шведских лютеранских интеллектуалов повлияли на выбор Яворским основных направлений защиты православия в «Камне веры» (тематика необходимости добрых дел для спасения, почитания образов, креста, мощей и святых).

Проблемы школьного образования в правление Петра I

После заграничной поездки 1697–1698 гг. Петр I начал уделять внимание отечественным школам, поставив задачу организовать обучение так, чтобы учеников готовили к новым профессиям. В связи с этим решались вопросы с нехваткой учителей, недостаточным финансированием, отсутствием необходимых учебников, нежеланием детей учиться.

Существовала проблема поиска квалифицированных учителей для новых светских школ. Определенный вклад в организацию гражданского и военного обучения в России внесли иностранцы. Они возглавляли школы, разрабатывали программы, контролировали учебный процесс, следили за хозяйством. Между тем в России к иностранцам и западному образованию сложилось враждебное отношение по ряду причин. Обучение, осуществляемое иностранцами, было сопряжено с рядом неудобств: педагоги либо не знали русского языка, либо знали его плохо. Европейское образование рассматривалось как наступление на православие и традиции. Наибольшую нетерпимость проявляли старообрядцы. Наем иностранцев на русскую службу являлся вынужденной мерой. Например, в цифирных школах вели занятия молодые русские учителя, которых привлекали из Математико-навигационной школы. Вместе с тем даже в конце правления Петра I ситуация с поиском учителей в стране оставалась по-прежнему актуальной.

В трудном финансовом положении пребывали греко-латинские школы. Даже при Петре I открывшаяся греко-латинская школа в Ростове закрылась после того, как ее перестала финансировать Ростовская епархия.

В школах ощущался недостаток учебной литературы. Учебники и учебные пособия писали как иностранцы, так и русские учителя. Книги, переводимые на русский язык, изучать было сложно, так как они изобиловали иностранными терминами и труднодостижимыми оборотами речи.

Изначально обучение вводилось на добровольной основе, но желающих получить образование оказалось немного. Впоследствии появился ряд указов, направленных на принуждение к поступлению в школы. Без образования не принимали ни в какие чины, кроме воинской службы. За уклонение от обучения налагался запрет на венчание, отправляли на каторжные работы, конфисковали земельные владения. Проблема наполняемости школ сначала решалась за счет набора учеников из всех чинов, но постепенно социальный состав сужался, что неизбежно вело к сокращению в школах числа учащихся. Численность учеников колебалась из-за бегства: помимо сложности обучения молодежь не устраивала дисциплина, телесные наказания, скудное питание и скромное проживание. Объединение в классах детей из разных социальных групп не способствовало их единению и совместной учебе. Молодые люди записывались в школы и по «своей воле» с целью избежать военной службы, но это не всегда их спасало. Шла война, и в школах оставляли самых пытливых учеников, а за счет остальных недорослей власти пополняли полки.

Русское общество менялось медленно, соответственно неспешно менялось и отношение к образованию. Оно рассматривалось лишь как подспорье в жизни русского человека, но не главное условие для устройства отдельной судьбы. С помощью указов Петр I стремился переломить устоявшиеся традиции. Усердие царя принесло результаты: в школах развивались специализированные учебные направления, преподавались практические знания. В правление Петра I школы стали поставщиками гражданских и военных специалистов, необходимых для укрепления государства.

Первые издания учебного пособия «Таблицы логарифмов...» А. Д. Фарварсона

В начале XVIII в. в преподавании в российских школах впервые появляются отдельные учебники по точным наукам. Особая заслуга в этом принадлежит двум преподавателям Навигацкой школы в Москве А. Д. Фарварсону и Л. Ф. Магницкому.

Генри (Андрей Данилович) Фарварсон (1674–1739) окончил Маришаль-колледж Абердинского университета в 1695 г. Впоследствии он работал там же в должности профессора математики, пока его не вызвали в Лондон. Здесь, по рекомендации вице-адмирала сэра Девида Митчелла и при содействии вице-адмирала Перегрин Осборна маркиза Кармартена, Фарварсон был приглашен Петром I в мае 1698 г. на русскую службу в качестве преподавателя математики и навигации.

Молодой шотландский ученый владел пятью языками — латынью, английским, французским, немецким и голландским, и вскоре в совершенстве освоил русский язык. Петр I очень высоко ценил шотландского профессора и постоянно давал А. Д. Фарварсону различные поручения: выполнение чертежей и описаний солнечных затмений, составление проекта новой дороги между Санкт-Петербургом и Москвой (был построен участок от Санкт-Петербурга до Великого Новгорода). Авторитет его был так высок, что даже настроенные против иностранных учителей дьяк А. А. Курбатов и Л. Ф. Магницкий признавали исключительные познания шотландца в математике.

Андрей Данилович проявил себя и в методике, разработав с помощью своих помощников Стивена Гвина и Леонтия Магницкого несколько учебных пособий: «Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секонсов, к научению мудролюбивых тщателей» (1703) и «Хартина меркаторская Америки, или Индии Западная» (1715).

Первое из них, по тригонометрии, предназначалось для подготовки специалистов: математиков, астрономов, мореходов, кораблестроителей и было напечатано кириллическим шрифтом,

но с исключительным употреблением арабских цифр на Московском печатном дворе в 1703 г. За основу преподаватели Навигацкой школы взяли амстердамское издание книги голландского издателя и автора математических таблиц Адриана Влакка «*Tabulae sinuum, tangentium et secantium et logarithmi sinuum, tangentium et numerorum ab initate ad 10 000*» 1681 г.

Последний опубликовал таблицы логарифмов от 1 до 100 000 знаков с точностью до 10 десятичных знаков еще в 1628 г., используя при этом труды Джона Непера, Симона Стевина и Генри Бригса. В русском издании изменен порядок следования таблиц — сначала расположены таблицы логарифмов от 1 до 10 000, за ними следуют «Правила синусов, тангенсов, секансов». Издатель также не стал включать текст, объясняющий, как пользоваться таблицами. В заглавии было указано, что «...пособие напечатано повелением царя... Петра Алексеевича и при благороднейшем... царевиче Алексее Петровиче». Оформление первого издания было очень скромным: титульный лист и оборот титула украшали растительные наборные рамки.

Второе издание таблиц на русском языке гражданским шрифтом было также напечатано в Москве в 1716 г., но уже в типографии Василия Киприанова (хотя он принимал активное участие и в подготовке первого издания, которое так и не было оплачено) под надзором и редакцией Я. В. Брюса, который курировал практически все издания и переводы по математике и астрономии в петровской России. Тираж второго издания таблиц Влакка составил 3 тысячи экземпляров.

Оба пособия включали 142 листа формата в 8°, размер набора предполагался 134×83 мм. Гравированный на меди фронтиспис второго издания представляет собой аллегорическую композицию, в верхней части расположено заглавие, а внизу находится объяснение, для кого и кем составлена книга. На гравюре изображен человек с нимбом над головой, поливающий дерево. Композицию обрамляет растение с плодами, увитое лентой, на ленте надпись: «Отсюда бывает дерево». По бокам стоят два человека с математическими инструментами в руках. Справа в углу расположен небесный глобус, слева — земной, на котором стоит корабль. На л. 52 находится ксилография с заголовком «Правила синусов, тангенсов секансов...», снизу виньетка —

земной глобус с корабликом на нем. На л. 141 об. присутствует концовка-картуш.

Это были одни из первых печатных многотиражных изданий (после 1716 г. последовали следующие переиздания) по точным наукам подобного типа в России, которые в течение всего XVIII в. использовались в качестве учебных пособий не только в московской Навигацкой школе и Морской академии в Санкт-Петербурге, но и в других учебных заведениях по всей стране.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029

**Подносные экземпляры сочинений
Симеона Полоцкого и Лазаря Барановича
«на смерть» царя Алексея Михайловича
в составе библиотеки Петра I**

29 января 1676 г. «великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, оставя земное царство, отъиде в вечное блаженство небеснаго царствия». О болезни царя в народе было известно, однако его смерть потрясла подданных. Присяга новому государю, старшему сыну Алексея Михайловича Федору, который был «объявлен» народу и провозглашен наследником престола еще в 1674 г., состоялась той же ночью.

Столь трагичное и одновременно важное для царской семьи и русского государства событие стало поводом для создания двух крупных литературных сочинений, которые были подарены новому царю. Речь идет о подносных рукописях «Гласа последнего» Симеона Полоцкого (П. I. А. № 4) и «Плача и радости» архиепископа черниговского и новгород-северского Лазаря Барановича (П. I. А. № 3), хранящихся в составе библиотеки Петра I в Научно-исследовательском отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук.

Подношение книг «по случаю» было одной из особенностей как придворно-церемониальной жизни, так и книжной культуры Московского государства XVII в., особым способом показать уважение и проявить участие в жизни государства. Как Симеон Полоцкий, так и Лазарь Баранович были известными просветителями и представителями культуры восточнославянского барокко XVII в., участвовавшими не только в духовной, но и в политической жизни страны.

Несмотря на то что оба произведения, «Глас последний» Симеона Полоцкого и «Плач» Лазаря Барановича, посвящены одному и тому же событию — смерти Алексея Михайловича, они имеют целый ряд как внешних, так и содержательных отличий.

В первую очередь заметна разница в их оформлении. Если подносной экземпляр «Гласа последнего» выполнен в символично траурных черных тонах (черная кожа переплета, текст выполнен исключительно черными чернилами), в нем отсутствуют какие-либо украшения, цветные тона и эмблемы, то рукопись Лазаря Барановича, напротив, имеет торжественный вид — атласный малиновый переплет и киноварно-золотое оформление текста. Помимо этого, текст рукописи снабжен изображениями золотых геральдических орлов.

Различаются произведения и в повествовательной риторике и стилистике. Поэма Симеона Полоцкого выполнена на более высоком и профессиональном литературном уровне. Построенная как церемониальное действо, она более эмоциональна и лишена нарочитой радости по поводу восхождения на престол нового государя. Основной лейтмотив «Гласа последнего» — скорбь, сопряженная со страхом смерти.

«Плач» Лазаря Барановича носит куда более торжественный характер, основной акцент повествования несколько смещен в сторону прославления Федора Алексеевича. В некотором роде это произведение можно охарактеризовать как просительное, поскольку в столь скорбное время Лазарь деликатно просит нового правителя не забывать о покровительстве Малороссии.

В обеих рукописях содержатся указания на посвящение этих произведений царю Федору Алексеевичу. В случае с «Гласом последним» Симеон Полоцкий поступил по устоявшемуся обычаю — сообщил о том, что рукопись создана для государя, в предисловии к сочинению, в конце которого содержится его собственноручная подпись. Автограф Лазаря Барановича с обращением к государю завершает его сочинение.

Таким образом, рукописные памятники становятся не только источником по истории государева двора, но и зеркалом, в котором отразились личности их создателей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42003

**Отражение личности Петра I и его эпохи
в немецкой историографии первой половины
XVIII в. на примере сочинения Мартина
Хассена «Истинная государственная мудрость,
изложенная в определенных государственных
принципах...» (Лейпциг, 1739)**

Первым своего рода справочно-библиографическим изданием, в котором наиболее полно отражена немецкая историография первой половины XVIII в., является книга Мартина Хассена, изданная в 1739 г. в Лейпциге под названием: «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах в соответствии с предварительным разделением и порядком, и полностью подтвержденная самым славным примером российского императора Петра Великого, с упоминанием его самых мудрых военных и мирных установлений, самых выдающихся деяний и самых достопамятных речей из жизнеописаний и историй, существующих в печати, Мартином Хассеном, преподавателем этики и науки о государственном управлении Виттенбергского университета».

Сочинение М. Хассена никогда не переводилось на русский язык, практически не использовалось в отечественной и зарубежной историографии, не учитывается в современных исследованиях, посвященных изучению истории жизни и деятельности Петра I.

В посвящении императрице Анне Иоанновне, помещенном автором в начале своей книги, сообщается, что М. Хассен с 1707 по 1709 г. был секретарем при русском чрезвычайном посланнике в Берлине Альберте фон дер Литте (1659–1718). Там же указывается, что в период нахождения на русской службе на автора огромное впечатление произвели выдающиеся качества Петра I: «его замечательные способности, превосходный ум, исключительная стойкость и героическая храбрость». М. Хассен сообщает, что в 1712 г. он лично встречался с Петром I во время посещения Виттенберга.

Биографические и библиографические сведения о Мартине Хассене (1677–1750) содержатся в справочных изданиях XVIII–XIX вв. (Х.Г. Йохера, Й.Х. Аделунга, Й.Г. Мойзеля, Г. Хасселя и А.Г. Хофмана, «Библиографических отрывках» за 1856 г. и других). Автор книги «Истинная государственная мудрость» принадлежал научным кругам Германии, был профессором Виттенбергского университета (с 1710 г.) и Лейпцигского университета (с 1719 г.).

Целью книги М. Хассена, основанной на известиях, в том числе ставших доступными автору во время его служебной деятельности, и на различных, прежде всего немецкоязычных, печатных источниках, было, как написано в предисловии к этому труду, не создание полного исторического сочинения о всех деяниях, совершенных Петром I во время его достойного правления, а публикация политического очерка наблюдаемой у него «истинной государственной мудрости во всех военных и мирных делах».

Согласно поставленной цели, сочинение М. Хассена разделено на несколько глав и разделов, в начале которых автор приводит какое-нибудь государственное правило или афоризм, которое затем рассматривает на примере деятельности Петра I.

Согласно признанию автора, отсутствие обобщающего труда по истории правления Петра I вынудило его отыскивать те сочинения, в которых в определенном порядке излагаются жизнь и деяния первого российского императора либо приводятся сообщения о событиях в России в Петровскую эпоху.

Сочинение М. Хассена изобилует ценными биографическими и библиографическими заметками. Указанные заметки свидетельствуют о высокой степени осведомленности М. Хассена о сочинениях, посвященных Петру I. Так, предисловие к труду «Истинная государственная мудрость» начинается с указания на 254-ю страницу сочинения Ф.Х. Вебера «Преображенная Россия» (1721), где сообщается о том, что стараниями тайного советника барона Генриха фон Гюйссена был составлен и подготовлен к изданию исторический труд о деяниях императора Петра Великого, который сам по себе очень хорош и был бы достойным прочтения, однако если этот ученый человек получил бы еще больше сведений из российской канцелярии, то тогда его труд оказался бы более полным. М. Хассен сожалеет о том, что не смог использовать труд Генриха Гюйссена при подготовке своей книги.

Достойны внимания библиографические исследования, проведенные М. Хассеном при написании своего труда. Так, он аргументированно приходит к выводу о том, что автором «Преображенной России», изданной анонимно в 1721 г., был Фридрих Христиан Вебер, бывший ганноверский и английский резидент при российском дворе. Кроме того, им подвергается критике существующая до настоящего времени версия о том, что автором первой биографии Петра I, изданной в 1710 г. на немецком языке под псевдонимом J. H. v. L., был некий Иоганн Генрих фон Лознштейн (об этом сообщается в каталоге книг Я. П. Гундлинга, изданном в 1731 г.). М. Хассен утверждает, что ему неизвестен ни один из Лознштейнов, к которому бы подходили в заглавии начальные буквы J. H.

М. Хассен пишет о том, что большинство сочинений о Петре I «воздавали должное прославленной российской нации», хотя были и те, кто негативно отзывался о России и русском народе. Вместе с тем все писавшие о России «восхваляли российского императора Петра Великого как такого монарха, который от Бога наделен выдающимися качествами и в особенности... высшей мудростью».

В одном из указателей к книге М. Хассена в алфавитном порядке перечислены главнейшие европейские издания, посвященные Петру I и его эпохе (более 50 наименований). Автором использовались первая биография Петра I на немецком языке (1710), сочинения Г. А. Шлейссинга, И. Г. Корба, Хр. Штиффа, Г. С. Тройера, Ф. Х. Вебера, К. Ф. фон Врехса, Ю. Г. Рабенера, Г.-И. Унферцагта, Ф. И. фон Страленберга, Г. Б. Бильфингера и другие издания.

Книга М. Хассена «Истинная государственная мудрость» заслуживает внимания как одна из первых историографических работ по истории царствования Петра I, а ее автора следует признать одним из авторитетнейших знатоков России в Европе первой половины XVIII в.

**Первый издательский проект Петра
и его исполнители: новые материалы
из нидерландских библиотек
и Городского архива Амстердама**

В докладе представляются материалы, относящиеся к истории публикации в Амстердаме в 1699–1701 гг. серии учебных книг на русском языке. Эти книги были составлены и изданы по наказу Петра I выходцем из Великого княжества Литовского Ильей Федоровичем Копиевским (ок. 1651–1714). Большинство вышло из типографии голландского купца Яна Тессинга (1659–1701), получившего привилегию Петра I на продажу печатной продукции в России. После разрыва с Я. Тессингом И. Ф. Копиевский продолжил печатать в Амстердаме книги на русском языке, теперь при финансовом участии другого местного купца, Яна де Ионга.

Основное содержание доклада составляет анализ ранее неизвестных историкам документов, связанных с этим первым издательским проектом Петра I: из городского архива Амстердама, библиотеки Амстердамского университета и Королевской национальной библиотеки Нидерландов. Эти материалы проясняют обстоятельства получения Я. Тессингом петровской привилегии, разрыва с ним И. Ф. Копиевского, подачи судебного иска к И. Ф. Копиевскому Я. де Ионгом, семейной жизни И. Ф. Копиевского.

Речь идет о пяти находках, сделанных в декабре 2021 г. в Амстердаме. Первая — обнаруженный в городском архиве подлинник петровской грамоты Я. Тессингу, датированный 10 февраля 1700 г. Текст этой грамоты давно знаком историкам по публикации в Полном собрании законов Российской империи, однако местонахождение подлинника ранее не было известно.

Вторая находка (в том же архиве) — это датированное 10 мая 1702 г. нотариально заверенное свидетельство вероятного отъезда И. Ф. Копиевского из Амстердама в Берлин вместе с четырьмя

листами переведенной им книги Авраама Деграфа («Книга учащая морского плавания»), печатавшейся в это время в типографии Авраама Бремана. Этот документ, по-видимому, стал основанием для ареста «типографии» И. Ф. Копиевского, созданной им после ухода от Я. Тессинга.

Третья находка — обнаруженные в том же архиве нотариальные записи о жене и детях И. Ф. Копиевского. Они свидетельствуют о том, что в Амстердаме он вступил в брак с Анной Васмер, от которой у него родилось трое детей, умерших в раннем возрасте.

Четвертая — печатный перевод на голландский язык первой версии петровской привилегии («отписки»), хранящийся в Королевской национальной библиотеке Нидерландов. Оригинал документа был выдан Я. Тессингу 17 мая 1698 г. Походной по-сольской канцелярией в г. Неймеген.

Последняя, пятая находка — это экземпляр первой русской книги, напечатанной в Амстердаме 10 апреля 1699 г., «Введения краткого во всякую историю», обнаруженный в библиотеке Амстердамского университета. В отличие от других известных экземпляров этой книги, на его титульном листе И. Ф. Копиевский назван создателем типографии Я. Тессинга («Юже созда Elias Федоров Копиевский»).

В заключение обобщается значение этих находок для осмысления обстоятельств реализации первого петровского издательского проекта, обозначаются наиболее заметные пробелы, до сих пор существующие в его истории, намечаются перспективы дальнейших поисков материалов в нидерландских архивах и библиотеках.

Критика спинозизма в русской физико-теологии XVIII в.

С эпохой Петра I связано обширное проникновение в русскую культуру не только современного тому времени знания, которое было в полном смысле «научным» (например, математика, механика или астрономия), но и идей, которые терминологически можно отнести к обширной области «натурфилософии», обращавшейся к чрезвычайно разнообразному и сложно переплетенному кругу тем и вопросов. Эти идеи, хотя и опирались на средневековое наследие, заимствовали многие важнейшие черты (методологию, стиль, аргументацию, когнитивные модели) из «новой» философии и науки. Соответствующие тексты, которые мы сейчас воспринимаем как архаичные, в ту эпоху рассматривались как источники актуального знания и во многих аспектах сыграли важную роль в рецепции научной культуры Нового времени в России XVIII в.

Характерным проявлением натурфилософии была «физико-теология», стремившаяся как доказать, что новая научная культура, сложившаяся в XVII — начале XVIII в., не только не дает аргументы в пользу атеизма или деизма, но, напротив, противоположена им, так и показать неспособность атеистов создать непротиворечивые теории причинности, материального мира и человека. Одним из наиболее частых объектов для критики «физико-теологов» была философия Б. Спинозы, которую рассматривали в качестве истока одной из парадигм атеизма, а именно отождествления Бога и природы.

В докладе рассмотрены три примера русской рецепции критики приписываемого Спинозе «безбожия». Первый из них — сочинение Феофана Прокоповича «Рассуждение о безбожии». Два других — выдающийся пример русской «физико-теологии» середины XVIII в. поэма «Феоптия» В. К. Третьяковского и более позднее «Основания любомудрия» А. П. Сумарокова. Также в докладе рассмотрен европейский контекст рецепции «натурфилософии» и «физико-теологии» в Петровскую эпоху.

В обширном корпусе трудов Феофана Прокоповича философия Спинозы упоминается в «Рассуждении о безбожии», впервые напечатанном только в 1774 г., но написанном очевидно раньше. *Terminus ante quem* здесь является 1736 г., год смерти Феофана Прокоповича. Он насчитывал шесть видов атеизма, пять из которых — античные учения. Лишь один вид «безбожия» представляет новую философию — «Венедикта Спинозы Афеисма основание, есть исповедание единой только во всем мире субстанции, или существа, или природы, прочего же всего разных оных же природы аффекций или модификаций, то есть качеств, или деланий признание».

Феофан Прокопович, как и другие авторы XVIII в., видит коварство Спинозы в том, что не открыл своего безбожия ясными словами, но создал систему, из которой следует обоснование атеизма, поскольку «едину только субстанцию, или существо, или природу во всем мире признал, и той, сиесть всех вещей собрание, божеством нарек; в особенности же того ж мира части рассуждаемые, аффекциями или модификациями, то есть качествами или деланиями божества такового назвал».

Также важнейшую особенностью «безбожия» Спинозы Феофан Прокопович видел в том, что он «Божества ясными терминами не отвергает, но и паче исповедует», но строит свое «исповедание» логически так, что в его учении о Боге обнаруживается противоречие, влекущее противоречие в собственно *понятии о Боге*, влекущее отрицание *бытия Бога*: «Ибо ежели, по силе системы его, подобает быти Богу, то оному следует материальному быти, то есть телесному, и последовательно и душе человеческой умной такожде телесной, что все есть безместно... когда погибают, то толико и самому Богу тем же бедам подпадати следовало бы».

Следующий текст — «Феоптия» В.К. Тредиаковского, оставшаяся при жизни автора ненапечатанной книгой со сложной судьбой. Она написана в традиции «ученой поэзии». М. Левитт считает ее самым известным русским физико-геологическим текстом. «Феоптия» имела сложную структуру, включавшую прозаическое *Вступление*, шесть *Эпистол* в стихах, каждая из которых предваряется кратким прозаическим изложением соответствующей эпистолы. В «Предисловии» В.К. Тредиаковский называл

своей целью опровержение древних и новых безбожников, среди которых он особо выделял Спинозу, поскольку «при отрицающих явно Божество, Спинозино злобожное Всебожие не только есть точное Безбожие, но и самое тонкое и ухищренное, ...ибо он Бога со всем чувствуемым естеством и с частями его сливал». Первенствующее место Спинозы среди атеистов В. К. Третьяковский объяснил тем, что именно ему принадлежит самая выдающаяся попытка систематизировать атеизм: «первый есть Спиноза, ...который покусился привести Безбожие в порядочный состав в “Этике” своей, расположенной математическим чином».

Последний текст — небольшое рассуждение А. П. Сумарокова, «Основание любомудрия». В отличие от Феофана Прокоповича и В. К. Третьяковского, он, предвосхищая московское «общество любомудрия» 1820-х гг., представлял Спинозу как подлинного «любомудра». А. П. Сумароков полагал, что хотя Спиноза преследовал достаточно умеренную цель, поиск достоверного, насколько это возможно, знания о Боге («Спиноза искав Бога, хотел несколько достигнути до непостижимости»), однако «не сыскаль того, чем бы ясно Божество мог изобразити».

Контекст времени, вызовы эпохи: место «художеств» в Академии наук

В контексте петровского времени присутствие «художеств» или ремесел в названии Академии наук и художеств было вполне естественным и законным. Согласно замыслу Г. В. Лейбница и Петра Великого, в российской академии, в отличие от ее западных образцов, была институционально закреплена тесная связь теории и практики в виде наук и «художеств», находившихся в одном семантическом поле того времени. Их соседство в названии академии, как и в девизе немецкого ученого «Theoria cum praxi», естественным образом несло в себе программу нового института развития, как сказали бы сегодня. «Художества», абстрагируясь от современной негативной коннотации, охватывали самый широкий спектр практических знаний, от ремесел до всех прочих «искусств»: военного дела, механики, архитектуры, фортификации, кораблестроения, черчения, хирургии, фельдшерства, литья колоколов и пушек, а также живописи, валяния и зодчества, выделенных в 1757 г. в отдельную Академию художеств. Все то, что необходимо было монарху для его масштабных преобразований, затронувших почти все области человеческой деятельности.

Развитие фундаментальной науки с помощью ремесел, то есть новых технологий, и ремесел с помощью наук нашло свое воплощение в создании Академии художеств и наук, основанной указом Петра I 28 января (8 февраля) 1724 г. в Санкт-Петербурге. Такое сочетание в названии является декларацией о намерениях и видением развития науки, технологий и промышленности в их комплексной взаимосвязи. Петру Алексеичу, мыслящему исключительно практически, прагматично, импонировали предложения Г. В. Лейбница инкорпорировать «искусства и художества» в Академии наук. Последняя изначально не являлась узкоспециальным научным и образовательным учреждением в виде академии, гимназии и университета в современном понимании значения слова «наука», воплотив в себе идею «социете худо-

жеств и наук» в полной мере, став, помимо издательского и научно-образовательного центра, еще и центром искусств, ремесел, высшего технического образования.

Петр I поступает не только интуитивно или спонтанно, лишь из страстной любви к «наукам и искусствам», но из убеждения, сформированного и вынесенного как из личного опыта своего пребывания на верфях и мануфактурах Голландии и Англии, так и из общения с европейскими учеными во Франции и Германии. При активном содействии В.Г. Лейбница создается академия невиданного формата — «Социете наук и художеств». Положено начало уникальной в Европе инновационной институции, изначально поднявшей российскую академию до универсального значения. Это не только собрание ученых мужей, эксклюзивный клуб, но и «фабрика знаний»: гимназия-университет; «кузница кадров» и «экспериментальная лаборатория» для ремесел и фундаментальных наук; «центр технологий» молодой промышленности: мастерские и ремесленные палаты. Сочетание «художеств и наук» выросло из смыслового поля того времени, естественным продолжением которого явились мастерские и палаты Инструментальная, Рисовальная, Токарная, Переплетная, Словолитная, Пунсонная и резного дела, Гравировальная, Фигурная, Ландкартная, Слесарная и Столярная.

Почему же выделяется именно роль Г.В. Лейбница, ставшая уже общим местом в историческом нарративе Академии наук XIX в.? Во множестве своих записок Петру I Лейбниц на протяжении почти 20 лет (с 1697 по 1716 г.) доказывал необходимость основания центрального учреждения (коллегии) для «художеств и наук», в ведении которого должны были также находиться «художники и ремесленники с их произведениями», что означало союз науки и художеств, связь теории и практики в новой академии. «Ничто не может быть так важно, как наука и художества», — писал ученый еще в 1697 г.

Предположительно, именно его негативный опыт, вынесенный из Берлинской академии, стал ключевым в формировании глубокого убеждения в необходимости осуществления нового формата в российской академии. В Берлине он не имел возможности обратиться к мастерам за советом в решении задачи переноса своих теоретических выкладок в функционирующий

арифмометр. По этой причине ученый использовал свою продолжительную дипломатическую миссию 1672–1676 гг. в Париж, чтобы выведать секреты первоклассных мастеров.

Косвенным комментарием к вышесказанному служат слова самого Петра I английскому токарю, повздорившему с А. К. Нартовым: «Художники и ученые должны иметь приязнь, а не вражду». Следовательно, такое сочетание не являлось лишь «причудой» государя, согласно широко распространенному мнению, но служило цели производства практических научных знаний, которые можно было поставить на службу петровских преобразований, в том числе для развития производящей промышленности — главного источника богатства согласно теории камерализма. Залогом успеха реформ визионера Петра I и его академического проекта послужила смена картины мира нового поколения, мировоззренческий переворот, совершенный в умах российских элит, без которого идея академии не была бы ими принята или не смогла бы реализоваться так быстро.

Педагогические взгляды первого инспектора Академической гимназии Т. З. Байера

Теофил Зигфрид Байер (1694–1738) официально возглавлял гимназию Петербургской академии наук более двенадцати лет: со дня подписания контракта в декабре 1725 г. и до самой смерти. Он долее других инспекторов управлял ею, хотя на деле включился в учебный процесс лишь в сентябре 1726 г. Кроме того, будучи первым инспектором Академической гимназии, именно Т. З. Байер вдохнул в нее жизнь и определил дальнейшее развитие. Контракт давал ему право самостоятельно устанавливать школьные часы и предметы, вводить учебные руководства и способ преподавания. Очевидно, что выбор свой он основывал на тех педагогических идеалах, которые усвоил благодаря учебе в знаменитой пиелистской школе Кёнигсберга — Collegium Fridericianum и преподаванию в кафедральной школе города.

Судя по тем проектам, которые Т. З. Байер разрабатывал в Санкт-Петербурге в 1730-х гг., он стремился выстроить Академическую гимназию по образцу социальных учреждений А. Г. Франке в Галле: создать бесплатную всесословную школу, нацеленную на преодоление духовной и умственной безграмотности, платный дворянский «семинариум» (у А. Г. Франке — «педагогиум») и латинскую школу для желающих получить далее высшее образование.

Идеи Т. З. Байера не кажутся такими уж утопичными, если вспомнить обстоятельства, в которых существовала гимназия в период его управления. По академическому проекту Петра Великого 1724 г. и по регламенту Екатерины I 1725 г., гимназия должна была способствовать распространению знаний среди широких масс и при этом совместно с университетом готовить национальные кадры ученых. Но эти академические учреждения нуждались в постоянной заботе государства, а оно, в свою очередь, все больше интересовалось не развитием всесословного образования, которого придерживалась Академия, а сословного, рассчитанного на дворян. Соответственно, предложения

Т. З. Байера вполне отвечали вызовам времени: гимназия, поделенная на Немецкую и Латинскую школы, выполняла бы свои академические функции, а семинария, или «семинариум», удовлетворяла бы потребность власти в образованных дворянах на государственной службе.

Конечно, Т. З. Байер не мог бы реализовать свои планы без поддержки руководства Академии наук и коллег по гимназии. Поэтому неслучайно его главные педагогические проекты — «Форма Гимназии» и «Предложения о Семинарии» появились в 1735 г., когда президент И. А. Корф энергично взялся реформировать Академию наук, а гимназия окончательно разделилась на две школы с опытными ректорами И. Э. Фишером и М. Шванвицем во главе.

Любопытно, что первые байеровские проекты и инструкции, независимо от того, касались ли они вопросов общего или частного преподавания, носили ярко выраженный морализаторский характер, который порой преобладал над учебным. Например, составленный Т. З. Байером в 1730 г. план домашнего обучения юного дворянина весь пронизан рассуждениями о пороке и добродетели, а из 29 пунктов инструкции 1732 г. для ректора и преподавателей гимназии 17 посвящены нравственному состоянию учителей и учеников. Возможно, подобные мысли — признак сильных пиелистских настроений Т. З. Байера, в выражении которых под влиянием Академии наук он позднее стал более сдержан.

Педагогические взгляды Т. З. Байера, бесспорно, были актуальны для своего времени, но труднореализуемы из-за подчиненного положения гимназии. Пока она оставалась структурной единицей Академии наук, готовила для нее научные и административные кадры, инспектор не мог воплотить в жизнь все свои замыслы. Однако некоторые из них, например о преподавании языков, были учтены «Регламентом гимназии при Императорской Академии наук в Санктпетербурге» (1739), действовавшим с конца 1738 до августа 1742 г.

Первые шаги к становлению финно-угроведения как научной дисциплины в эпоху Просвещения: Ф. И. фон Страленберг и Д. Г. Мессершмидт

Финно-угорские народы России являются частью древнего автохтонного населения Евразии. XVIII в. ознаменовался стремлением исследователей освободиться от груза непроверенных теорий и сомнительных историописаний, накопленных в предыдущие периоды. Для достижения данных целей требовалось применение рациональных методов исследования, таких как непосредственное наблюдение за жизнью народов, не обладавших длительной письменной культурой. Стремление к рациональному познанию окружающего мира коснулось освоения европейской периферии и сопредельных с ней азиатских земель, где в массе своей жили финно-угорские (уральские) народы. Хотелось бы представить начальную историю этнографического изучения финно-угорских народов России сквозь призму личной истории двух выдающихся персоналий Петровской эпохи: Д. Г. Мессершмидта и капитана Ф. И. Табберга (Страленберга).

Западноевропейская традиция фиксирования путевых наблюдений постепенно развилась в экспедиции, создав абсолютно новый тип исследовательских процедур (в настоящее время под этим понимают полевую работу) и привела к появлению такой системы взаимоотношений участников, которую можно охарактеризовать как «экспедиционное товарищество». В истории финно-угорских исследований рассматриваемого периода наиболее ранним опытом такого рода поездки стало путешествие Д. Г. Мессершмидта по Сибири (1720–1727).

Медик и ботаник Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735) в 1718 г. по приглашению Петра I прибыл в Санкт-Петербург для собирания коллекций и исследования естественных богатств России. Как человек своей эпохи Д. Г. Мессершмидт отличался энциклопедическим образованием, энтузиазмом и фантастической работоспособностью. В экспедиции он нашел

близких по духу людей, пленных шведских офицеров, которых с 1711 г. начали расселять по разным городам Сибири. Среди них было много образованных людей разных специальностей, проникнутых духом эпохи Просвещения и которые активно до 1722 г. собирали разнообразные сведения о Сибири и населяющих ее народах.

Компаньоном и ближайшим помощником Д. Г. Мессершмидта стал плененный под Полтавой шведский офицер капитан Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг (1676–1747), который провел в Сибири в общей сложности тринадцать лет. Ф. И. Табберт (Страленберг) совершал поездки по окрестностям своего места поселения, профессионально увлекался картографией, собирал коллекцию древних вещей, культовые изделия аборигенов. Ф. И. Табберт поделился с Д. Г. Мессершмидтом результатами своих предшествующих изысканий, а тот в свою очередь предоставил ему право вести все записи в дневнике экспедиции, внося при этом только некоторые добавления.

Путевые заметки исследователей дали первые представления о местоположении, истории, обычаях и даже содержали некоторые сведения о языках финно-угорских народов. Автором первой попытки построения этнолингвистической классификации в региональном разрезе в начале 1720-х гг. является именно Д. Г. Мессершмидт. В ходе сибирской экспедиции исследователем было выделено четыре основных класса, или группы, народов: древние гунны и скифы; арабы, сарматы и скифы; азиатские обские скифы; восточные или северо-восточные скифы. Известные ему финно-угорские народы (ханты, удмурты, марийцы, манси) были отнесены к первому классу. Придерживаясь своей классификации, он рассматривал Сибирь как арену этнической миграции, отмечая, что выделенные им этнические группы не были исторически статичны, интенсивно взаимодействовали и смешивались с другими народами.

Ф. И. Табберт (Страленберг) пошел в своих изысканиях еще глубже и предпринял попытку систематизации родственных народов по языковому принципу. Можно предположить, что к такой классификации его подтолкнули исследования, проведенные во время экспедиции (раскопки тагарского кургана близ Абаканского острога с выявлением рунических надписей и памятников

с еще не известной и никем не расшифрованной письменностью). Несмотря на то что он частично основывался лишь на лексическом совпадении либо фонетическом созвучии отдельных слов, вынесенных им в сравнительную таблицу, это не помешало ему в целом верно сгруппировать языки финно-угорского происхождения. Свои идеи исследователь изложил в двух работах: «Предварительном сообщении о Великой Тартарии и Сибирском царстве» (1726) и «Историко-географическом описании Северной и Восточной частей Европы и Азии» (1730), которые переводились на многие европейские языки и получили большую популярность в европейских академических кругах.

Отличительной чертой работ Ф.И. Табберта, помимо использования передовой систематизирующей методологии, было подчеркнутое стремление к историчности повествования, заполнению многочисленных белых пятен информацией этнографического характера, пусть противоречивой и не всегда подкрепленной фактами. Многие отечественные ученые высказывали мнение, что его сочинения можно считать плодом совместного труда с Д.Г. Мессершмидтом, так как исследователи совместно делали свои наблюдения, производили поиски и обсуждали собранные материалы.

Данные исследования дали мощный импульс для развития этнографического финно-угроведения, заложив фундаментальные основы для начала формирования финно-угроведения как научной дисциплины. Формирование научной дисциплины происходило при непосредственном покровительстве и участии Петра I и его преемников, которые заботились об издании материалов полевых экспедиций, содержавших ценные лингвистические и этнографические сведения о финно-угорских народах.

Образ Петра I в сочинениях писателей-старообрядцев XVIII в.

Петровские преобразования уклада жизни русского государства в отечественной историографии оценивались неоднозначно и являются предметом научной дискуссии до настоящего времени. Однако существуют и устойчивые модели восприятия некоторых направлений деятельности Петра I, например сюжеты, связанные с политикой государства против раскольников. Творческое наследие в жанре эсхатологического повествования старообрядцев второй половины XVIII в. оказало сильное влияние на формирование образа Петра I как проявления «одной из личин антихриста» не только среди старообрядцев разных толков, а также легло в основу научных представлений об антагонистических отношениях царя с миром древлеправославных ревнителей.

XVIII в. для старообрядцев начинается с признания их гражданского бытия, отмены гонений и физического истребления. Переход к прагматизму в политике государства изменил статус старообрядцев: возможность открытого проживания в городах и селах на условиях выплаты двойного оклада и обязательного ношения атрибутов отличия возвращала их в правовое пространство, но не гарантировала толерантности со стороны российского духовенства. Задачи контроля за староверами и христианского увещания за возвращение в лоно церкви были возложены на Синод, а с 1725 г. на Раскольничью контору.

Важным обстоятельством для понимания настроений старообрядчества в отношении Петра I является особое отношение последнего к стародубским и выговским старообрядцам, которые были исключены из «раскольничьего сбора». Находясь в первой половине XVIII в. на вершине идеологической пирамиды сопротивления официальной церкви, поповщина Стародубья и беспоповцы Выга определяли генеральные тенденции развития старообрядчества. Об их авторитете среди старообрядцев был осведомлен и сам император, поэтому выбор в качестве оппонентов для «разглагольствия о происходящем церковном несогласии

и для увещевания» иноков Выговского общежития не был случаен. Результат этого предприятия известен как коллективный труд иноков Выга под руководством выдающегося иерарха поморской церкви Андрея Денисова, написанный к декабрю 1722 г. и именуемый «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита», в миру получивший название Поморские ответы. Двумя годами ранее разъяснения о старой вере официальной церкви были представлены в труде «Диаконовы ответы», написанном керженскими иноками по требованию нижегородского епископа Питирима ответить ему на 130 вопросов. Первое в большей, а второе в меньшей степени полемические произведения сыграли роль идеологического стержня для старообрядческого сообщества, даже впоследствии разделенного на многочисленные толки и секты.

В центр внимания анализирующих содержание вышеупомянутых документов исследователей старообрядчества чаще попадают вопросы теологического характера и обрядовой стороны богослужения. Мнения старообрядцев по вопросам социально-политического характера игнорируются. Не умаляя полноты сведений о столпах древлеправославной веры, необходимо подчеркнуть в них и важность информации об образе Петра I и его царствующих предшественников. В обобщенном виде рассуждения авторов «Ответов» относительно Петра I имеют благосклонный, почтительный характер, исключаются всякие возможности непристойности его деяний и не подвергается сомнению его богопоставление на власть. Учитывая молниеносное распространение списков Поморских и Диаконовых ответов в полной редакции первоначальных текстов среди старообрядцев, можно уверенно предположить, что в пределах первой половины XVIII в. старообрядчество не причисляло Петра I к проявлениям «предтечи антихристовой», а свое коллективное отношение выражало по принципу: «...Мы его императорского православия не испытуем, но всякого блага его боголюбимому величеству доброхотливо желаем и Бога просим...»

Исследователи Урала первой половины XVIII в.: у истоков исторической науки региона

Возникновение и развитие в XVIII в. крупнейшего центра металлургической промышленности России — горнозаводского Урала — одна из ярких и существенных страниц отечественной истории. Заводское строительство по тем временам было грандиозным. Буквально за полвека в крае появился индустриальный комплекс мирового значения. Создание уральской металлургии стало такой же закономерностью, как и все преобразования Петра I в первой четверти XVIII в. Одновременно с процессом становления и роста горнозаводского производства на Урале шло развитие духовной культуры, составной частью которой была историческая мысль. Центрами ее формирования стали такие города, как Екатеринбург, Оренбург и Пермь.

Изучение истории Урала началось почти одновременно с хозяйственным освоением региона и представляло собой отражение в идеологии того времени социально-экономических, политических и культурных явлений уральской действительности. Эти процессы по времени совпали с периодом превращения исторических знаний в историческую науку во второй четверти XVIII в., что было связано с именами В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова.

Первые исследователи Урала обращали главное внимание не столько на вопросы теории, сколько на доказательство необходимости истории для практической деятельности и выработку программы для ее написания. В изучении истории Урала они видели две стороны: во-первых, составную часть истории России и, во-вторых, практическое руководство для успешного проведения государственной политики в крае.

Первая половина XVIII в. — это время зарождения исторических представлений об Урале и первый этап процесса превращения исторических знаний в науку. Он был связан прежде всего с трудами И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, В. И. Геннина и П. И. Рычкова. В это время происходил процесс накопления фактов и их частичное обобщение. В изысканиях первых

исследователей истории Урала содержалась обоснованность необходимости нового промышленного центра России. Изучалась история утверждения в крае органов государственной власти, строительства городов как центров управления горнозаводским производством, создания большого числа заводов для «государевой пользы».

Источниковедческую основу трудов вышеназванных историков составили документы канцелярий, Правительствующего Сената и Горной коллегии. Исторические идеи определялись политическими интересами России в первой половине XVIII в. И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, В. И. Геннин, П. И. Рычков не только излагали свое понимание значения истории Урала в общественно-политической жизни государства, но и определяли научные задачи исторического исследования. На теоретические построения исследователей сильное воздействие оказывал практицизм и рационализм. Для них был характерен хронологический и проблемный принцип оценки всех событий в уральском крае.

В то же время, хотя и эпизодически, ими применялся сравнительный метод изучения истории. Несмотря на поверхностное понимание причинности, И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, В. И. Геннин, П. И. Рычков стремились анализировать все явления уральской действительности, что явилось первым шагом к историзму в идеалистическом его понимании. В целом для представителей исторической науки первой половины XVIII в. в период ее становления на Урале были присущи рационалистические воззрения.

Процесс превращения исторических знаний на Урале в науку обычно негативно оценивался советскими историками, поскольку в их работах подчеркивался официальный характер и общественно-политическая ограниченность исследователей уральского края первой половины XVIII в. Последняя, по их мнению, сказала в том, что они признавали пользу истории только для господствующих сословий, преувеличивали роль самодержавия и администраторов в истории Урала. А это в свою очередь приводило их к такому методологическому пороку, как преувеличение роли случая в истории.

Научные изыскания по истории Урала в первой половине XVIII в. были отражением одной из страниц отечественной

истории — эпохи преобразований Петра I, детищем которых стала и уральская металлургия. Уральская историография первой половины XVIII в. подтверждает вывод современных ученых о том, что уже в это время происходил процесс обогащения тематики исторических трудов в результате повышенного интереса к истории экономики. В дальнейшем главное внимание историки обращали не на разработку политической истории, а на вопросы экономической истории Урала, что не вписывалось в схему общероссийской историографии. Для взглядов исследователей края первой половины XVIII в., стоявших у истоков исторической науки региона, характерно прагматическое понимание истории, вытекавшее из практических потребностей того времени.

Труды И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, В. И. Геннина, П. И. Рычкова явились идеологическим обоснованием государственного начала, господства казенного и частного заводовладения на Урале и во всей России. В оценке социальных проблем уральской действительности первой половины XVIII в. им был присущ государственный подход и негативное отношение к «бунтам» мастеровых и крестьян.

«О приведении Академии в надлежащий порядок»: регламентирующие документы Петербургской академии наук 1724–1735 гг.

После апробации Петром I «Проекта» Академии наук и художеств 22 января 1724 г., предшествующей сенатскому указу от 28 января, последовала разработка Регламента, которая завершилась уже после смерти царя, к 27 сентября 1725 г. В изменившейся обстановке Екатерина I не утвердила Регламент, ограничившись указом от 20 ноября 1725 г. «Об Академии наук». Более двух десятилетий Академия находилась в жестких рамках «Проекта» и утвержденного Петром I штата. Однако полностью лишить Академию финансирования не решались даже в сложные времена конца 1720-х гг., когда деньги в Академию поступали с переборами.

Изучение документа, не имевшего в русском варианте заглавия и получившего при публикации закрепившееся за ним в историографии название [«Проект положения об учреждении Академии наук и художеств»], показало, что он представляет собой наскоро, и потому небрежно, выполненный перевод с немецкого языка. Самая заметная ошибка в нем забавна. Академик «матезеос сублимиорис» (*mathesis sublimioris*), то есть высшей математики, ошибочно назван «академикус матезеос субтилиорис» (*subtilioris* с лат. языка переводится как «более тонкий, субтильный»).

В ходе совместной работы с О. А. Кириковой и М. Б. Лавринович мы изучили в РГАДА и СПбФ АРАН комплекс документов по подготовке «Проекта». В РГАДА, среди бумаг вице-президента Коллегии иностранных дел А. И. Остермана (1686–1747), была найдена обложка немецкого варианта, на которой на русском языке современным проектом писцовым почерком было вписано его название: «Проект о учреждении Академии наук», что, как нам кажется, позволяет поставить вопрос об изменении устоявшегося в историографии названия документа.

Текст единственного законодательно закрепившего права Академии документа, «Проекта о учреждении Академии наук», получил в ходе дальнейшего его существования особое значение. Нестабильность верховной власти при каждом случае побуждала представителей власти (Екатерину I, Сенат и др.) использовать в риторике апелляции к воле первого императора, заложившего основы системы управления государством. Академики поддерживали эту риторику в своих попытках изменить сложившийся порядок вещей. Все значимые доношения и обвинения, а также ответы на них и распоряжения Сената содержали обращение к воле монарха. Интеллектуальный уровень, юридическая подкованность создателей таких текстов (Ж. Н. Делиля, И. А. Корфа, И. Д. Шумахера и др.) привели к конвенциональным трактовкам текста «Проекта», постепенному наполнению новыми смыслами содержащихся в нем понятий.

Особенно заметно это стало к 1735 г., когда И. А. Корф попытался превратить студентов-сотрудников в реальных студентов, наряду с адъюнктами, указывая, что об этом «и Петр Великий блаженный памяти в своем прожекте особое старание имел», опираясь на слова «Проекта» «однакож впредь, когда семинария и школы добре устроятся», собирался создать семинарию для дворян на 30 персон.

Разработанные Академией документы: Академический регламент 27 сентября 1725, проекты штатов 1731 и 1733 гг. и подробное доношение в Сенат президента И. А. Корфа с приложенным штатом 1735 г., по-видимому, не были утверждены по причине предполагавшегося увеличения финансирования. Имея надежду на их утверждение, руководство Академии начинало вводить назревшие перемены в ее деятельность, допуская при этом перерасход выделяемых средств, что имело существенные последствия.

О двух гравюрах петровского времени

Внимание специалистов по русской гравюре XVIII в. сосредоточено на парадных произведениях: баталиях, триумфах, праздниках, фейерверках, портретах. Но они составляют малую часть из всего гравировального наследия. Основная масса — это так называемые технические гравюры: карты, атласы, учебные пособия и т. д.

Гравюры, о которых пойдет речь, относятся именно к таким изданиям:

1. Н. Х. «Изъявление морских флагов... грыдоровано в Киеве. 1709 году».

2. Н. Х. С гравюры П. Шенка. «Карта архитектуры воинской или наука фортификации». 1709 г.

История их создания подробно отражена в переписке Петра I и в более поздних документах. Двум гравюрам посвящены четыре письма конца 1708 — начала 1709 г. Это практически уникальный случай.

Первое письмо, датированное 16 ноября 1708 г., адресовано Д. М. Голицыну, который в то время был киевским воеводой. Петр I пишет, что посланы к нему, Д. М. Голицыну, с нарочным «два листа: один всех фигур к войне надлежащих, другой всех флагов морских, ...последний надлежит с большим прилежанием и искусством делать, ибо в оных черты и пункты не для тени, но оными изображаются колеры цветов и для того слово в слово так надлежит сделать... без прибавки и убавки».

Создание светских гравюр в Киеве — особый случай. Эти гравюры были очень важны для царя, и необходимость их быстрого копирования сыграла важнейшую роль в том, что Петр I обратился именно в Киев. Царь находился в это время на Украине, и ближайшей к нему гравировальной мастерской оказалась гравировальная мастерская Киево-Печерской лавры.

Через месяц, 14 декабря 1708 г., Петр I пишет Д. М. Голицыну: «отправлен от нас из Глухова поручик Алексей Леонтьев в Киев с некоторыми листами, чтоб их там напечатать... отпиши

к нам не мешкав, давно ли он в Киев приехал и как скоро может те листы напечатав, суды быть».

19 декабря 1708 г. Д. М. Голицын сообщает, что из посланных листов «один о флагах поспеет скоро, а другой остановился за болезнью мастера». Скорость работы удивительная, если учесть большой объем гравирования и требование особой тщательности в исполнении гравюры с флагами. 5 января 1709 г. Петр I требует прислать к нему оттиски с новых досок (если они готовы) вместе с оригиналами, с которых нужно сделать перевод.

Гравюра о флагах была закончена первой и сразу же послана царю. 14 января готовый перевод текстов отправили в Киев: «...лист о флагах подписан и послан при сем, подписи вели вырезать на доске слово в слово и напечатав листов с десятков, с подлинным пришли вместе с доской медной».

На гравюре «Изъявление морских флагов» подписи были вырезаны. Оттиски с нее существуют в полностью законченном виде. Доска, с которой печатали эту гравюру, прожила долгую жизнь. В XVIII в. ее хранили в Синодальной типографии вместе с другими досками петровского времени. Во второй половине XIX в. она находилась в Картографическом депо Главного штаба, где с нее даже печатали оттиски.

Судьба второй гравюры, которая называется «Карта... архитектуры воинской или наука фортификации», оказалась более сложной. В Киеве она не была закончена. Из Киево-Печерской лавры незавершенную доску переслали в Москву и передали в Синодальную типографию. 4 января 1715 г. она была отослана в Санкт-Петербург в Кабинет его императорского величества, где и находилась в течение 12 лет. Из Кабинета ее вместе с другими материалами и документами Петра I передали в 1727 г. в Академию наук. В списке досок, хранившихся в Академии наук в 1729 г., под номером 103 записана «доска Фортификации». В 1730 г. она была возвращена в Москву вместе с другими досками петровского времени.

В 1732 и в 1747 гг. «Фортификация» числится среди досок, находящихся в Московской Синодальной типографии. В списках 1750 г. она уже не упомянута. Скорее всего, недогравированную доску отправили в переделку.

В настоящее время известны четыре оттиска с этой доски. Они показывают различные стадии работы над гравюрой. Два от-

тиска хранятся в собрании БАН. Над и под изображением оставлены пустые места для названия и пояснительных текстов. Возможно, это те самые ранние оттиски, которые были присланы Петру I 7 января 1709 г. Один из оттисков имеет подрисовки черной тушью — это первое состояние гравюры. На втором оттиске все подрисовки уже награвированы на доске — это второе состояние гравюры.

Один оттиск черной краской есть в собрании Государственного Русского музея. На нем красными чернилами написаны русские тексты. Они в точности повторяют расположение текстов на оригинальной гравюре Петера Шенка. Именно этот экземпляр должен был стать оригиналом для дальнейшего гравирования надписей.

Последний оттиск хранится в собрании Государственного Эрмитажа. На нем награвировано несколько текстов в правой верхней части.

Сведения о том, по какой причине гравюра в Киеве так и не была закончена, отсутствуют. Когда в 1715 г. доска попала в Санкт-Петербург, ее еще собирались доделать. Но в это время был издан ряд книг и по артиллерии, и в целом по военному делу. В результате гравюра 1709 г. уже стала неактуальна.

**Петр I и барон А. Х. Люберас:
становление отечественной исторической науки
в контексте русско-шведских отношений**

Хорошо известно, что военные и дипломатические события занимали главное место в исторических произведениях Петровской эпохи. Считается, что они, как правило, обслуживали потребности дипломатической практики и поэтому не выходили за пределы справочных пособий. Одним из исключений являются сочинения барона Анастасия Христиана Любераса (ок. 1651–1722). Хотя он, как и многие авторы, обратился к истории Швеции, однако уделил основное внимание ее внутренней политике. При этом А. Х. Люберас не ограничился сухим описанием, а предложил собственную оценку произошедших в этой стране преобразований.

Прежде чем обратиться к анализу сочинений барона Любераса, обратим внимание на несколько важных фактов его биографии. Известно, что он родился в Силезии, служил в Швеции. Позднее ушел в отставку с военной службы и занимался составлением проектов для различных монархов. Во время второго путешествия Петра I в Европу барон Люберас был принят на российскую службу. Это произошло в июне 1717 г. в городе Спа. Возможно, там состоялась и личная встреча с российским царем. После поступления на российскую службу барон оставался за границей, где занимался наймом иностранцев для службы в коллегиях. Одновременно он по просьбе Петра I составлял проекты и записки, которые по приезде в Россию в конце 1718 г. и попытался передать царю через П. И. Ягужинского. О реакции Петра I на них ничего не известно, хотя многие идеи А. Х. Любераса соответствуют общей идеологии коллежской реформы и той структуре органов государственного управления, которая была в итоге создана в России. Поэтому сочинения барона Любераса привлекали внимание многих историков в контексте дискуссий о степени и формах влияния на петровские реформы западных

моделей, в особенности шведских. Однако его исторические произведения так и не получили должной оценки.

Главным историческим сочинением А. Х. Любераса можно считать его «Всенижайшую реляцию о учреждении королем Карлом XI форм шведского государственного правления». Еще одна работа — «Всепоподданнейшее разсуждение о исправленном короля Каролуса XI шведском государственном домостроительстве, в коих случаях оно в государстве и областях его царского величества принято или переменено быть может». Кроме того, отдельные исторические сюжеты рассеяны в других его записках и проектах. Несмотря на названия указанных сочинений, барон Люберас не ограничился эпохой правления Карла XI (1660–1697). Так, «Всенижайшая реляция...» повествует о событиях начиная с правления Кристофера III Баварского (1441–1448). Правда, до начала правления королевы Кристины (1632–1654) сведения довольно скудные: барон Люберас в основном обращает внимание на ключевые изменения в законодательстве, государственном управлении и экономике. Собственно, правление Кристины он довольно критически оценивает, поскольку шведская торговля оказалась в руках иностранцев, а собственное производство не развивалось. «Не в лучшем государстве находилось в состоянии» и при правлении Карла X (1654–1660), а также в период малолетства Карла XI. Вину в этом барон Люберас возлагает на королевское окружение, которое заботилось «только о собственной своей пользе». Однако все изменилось в 1680-е гг., когда Карл XI смог установить абсолютную монархию и провести целый ряд реформ государственного управления. В целом барон идеализирует правление Карла XI. Не удивительно, что А. Х. Люберас ошибочно приписывает ему устройство ряда коллегий в Швеции. Как мы видим, ему было присуще догматическое понимание истории, которая представлялась им как сумма положительных и отрицательных примеров.

Барон Люберас привлекает внимание не только своими историческими произведениями, но и идеями о развитии архивного дела в России. Дело в том, что в Генеральном регламенте 1720 г. был декларирован принцип централизации в хранении архивных документов для всех коллегий, для чего предусматривалось учреждение только двух архивов. Зарубежное влияние здесь

совершенно очевидно: в Швеции в то время главными архивами являлись Государственный архив и Камер-архив. Собственно, эта логика устройства архивов обнаруживается и в проектах А. Х. Любераса. Любопытно также, что он фактически предлагает сохранять учрежденческий комплекс документации: «порядочно содержать при своей архиве под оглавлением каждой канторы». В специальной же инструкции 1720 г. для архивариуса А. Почайнова содержалось подробное описание того, как классифицировать документы: хотя они распределялись с применением различных принципов, но сохранялся учрежденческий комплекс документации. Возможно, здесь мы наблюдаем случайные параллели между проектом А. Х. Любераса и реальным устройством архивов в России. Однако все это значительно расширяет наши представления о становлении архивного дела в России.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Полемико-апологетические рукописи в библиотеке Петра I

Множество иногда прямо противоположных мнений в историографии (Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, Л. Н. Майков, А. В. Карташев и др.) высказано об отношении Петра I к религии, что само по себе демонстрирует сложность проблемы, которая не решается однозначно. Новые работы привносят дополнительные аргументы как «за», так и «против» связи духовно-нравственных представлений царя с православием (Н. Б. Голикова, Ю. Ф. Самарин, И. Н. Ружинская, архимандрит Иоанн (Экономцев), К. Е. Нетужилов и др.) и только подтверждают невозможность понять эту личность вне теологической системы. В связи с этой составляющей мировоззрения первого русского императора интересным представляется состав его личной библиотеки.

Под полемико-апологетическими рукописями понимаются сочинения, в которых ведется полемика с явными отклонениями от учения Православной церкви, но в комплексе с ними рассмотрены также некоторые богословские и богослужебные тексты, фиксирующие различия или отклонения от утвержденных православных основ. В рукописной части реконструированного в середине XX в. собрания рукописей Петра I выявлено более двух десятков книг, затрагивающих расхождения богословских основ православия и других конфессий, а также тему раскола Русской православной церкви.

Библиотека Петра I делится на две различающиеся по составу части: доставшуюся ему по наследству от родственников и личную, собранную самим государем. В первой части находится 14 кодексов, так или иначе связанных с интересующей нас темой:

— «История о Листрикийском соборе клирика Острожского». Посл. четв. XVII в. (П. I. А. № 21);

— Цезарь Бароний. «Годовые деяния церковные». Нач. XVIII в. (П. I. А. № 23), список не содержит предисловий к православному читателю;

— Сборная рукопись 1680-х гг. (П. I. А. № 32), включающая тексты Петра Могилы, Евфимия Чудовского и Димитрия Ростовского;

— Нил Кавасила. «Ответы на латинские силлогизмы». Кон. XVII в. (П. I. А. № 74);

— Отчет Игнатия Римского-Корсакова о поездке в Костромской и Кинешемский уезды в 1687 г. для увещания раскольников. (П. I. А. № 80);

— Евфимий Чудовский. «Остен». Нач. XVIII в. (П. I. В. № 6);

— Дамаскин, иеродьякон Чудова монастыря. «Возражение на писания Гавриила Домецкого о книге «Остен». Нач. XVIII в. (П. I. В. № 7);

— Афанасий, архиепископ Холмогорский. «Щит веры». Нач. XVIII в. (П. I. В. № 8);

— Стефан Яворский. «Ответ на некая истязания богословская». Первая четв. XVIII в. (П. I. В. № 10);

— Сборник полемический, содержащий статьи на «отступника от православия» дьякона Петра Артемьева и о присоединении к православию «отступника» Григория Скибинского. Нач. XVIII в. (П. I. В. № 11);

— Сборник полемический, содержащий сочинения против «латин, лутеров, калвинов» и др. поучения. Нач. XVIII в. (П. I. В. № 12);

— Мелетий Сириг. «На главы калвинския и вопросы Кирилла Лукареа противоглагольства». Нач. XVIII в. (П. I. В. № 13);

— Сборник полемический, содержащий сочинения Василия Великого против Евномия, выписки из слова Максима Грека против Николая Немчина, из Константина Арменопула, из «Каталлаги» Иоанна Диакона. Нач. XVIII в. (П. I. В. № 17);

— «Catholische Kirchen Caeremoni...». Нач. XVIII в. (П. I. В. № 23).

Последние 9 рукописей относятся к библиотеке царевича Алексея Петровича.

Следующие книги, демонстрирующие интерес царя к апологетике, относятся к личной части библиотеки Петра I:

— Пафнутий Олисов. «Рожнец духовный». Полемический антипротестантский трактат. 1715 г. (П. I. Б. № 120);

— Трактат «О почитании икон». Перв. четв. XVIII в. (П. I. Б. № 121);

— Чин армяно-грегорианской литургии. Пер. с греч. Федора Поликарпова. 1708 г. (П. I. Б. № 128);

— Чин римско-католической литургии. Нач. XVIII в. (П. I. Б. № 129);

— Аугсбургское исповедание веры. Пер. с лат. Кон. перв. четв. XVIII в. (П. I. Б. № 130);

— Аугсбургское исповедание веры. Пер. с лат. 1717 г. (П. I. Б. № 131);

— Сборник катехизический лютеранский. Пер. с нем. И.-В. Паузе. Не ранее 1718 г. (П. I. Б. № 132);

— Иоанникий Галятовский. «Лебедь с перием своим». Пер. с польск. Авраамия Карамышева. Между 1721 и 1724 г. (П. I. Б. № 149).

Упомянем также собственноручный (под руководством Адриана Шхонебека) офорт Петра I, изображающий победу христианства над мусульманством. 1698 г. (П. I. Б. № 116).

Простое перечисление книг позволяет увидеть, что их тематика затрагивает и традиционную для Русской православной церкви антилатинскую полемику, а также антипротестантскую, антиисламскую тематику и проблему раскола православия в России. Не все перечисленные книги являются полемическими трактатами, но их наличие в библиотеке царя, личности их авторов и переводчиков раскрывают важные стороны контекста, в котором шло изменение и формирование религиозных представлений императора Петра I.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42003

Петр I в черногорской историографии середины XVIII в.

Черногорский митрополит Василий (Петрович; 1709–1766) по праву считается основателем национальной историографии: его книга «История о Черной Горы» (1754) не только стала первым сочинением, повествующим о прошлом его страны, но и оказалась первым историческим произведением южнославянского автора, напечатанным в XVIII в. кириллическим шрифтом. В этом отношении к условным предшественникам митрополита Василия может быть отнесен только «иллирический граф» Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, чья «Книга Историография початия имене, славы и расширения народа славянского и ихъ Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствиями, Королевствами, и Провинциями» (Санкт-Петербург, 1722), выпущенная без указания имени переводчика, представляла собой не оригинальное произведение, а весьма сокращенное переложение с итальянского языка «Царства славян» («Il regno degli Slavi») Мауро Орбини.

Сочинение митрополита Василия, как и перевод С.Л. Владиславича, было опубликовано тоже в Санкт-Петербурге. Издание 1754 г. не содержит выходных данных, однако установлено, что оно вышло в типографии Петербургской академии наук. Книга представляет собой небольшую брошюру (издание в восьмую часть листа, 43 с.). Некий не дошедший до нас вариант (или варианты) «Истории о Черной Горы» был написан почти за восемь лет до выхода книжки в свет: в феврале 1746 г. Василий (Петрович), находившийся тогда в сане архимандрита и игумена монастыря в Цетине, в письме канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину просил о «повелении» издать в России «две историе о Черной Горе составлене вкратце» (*Драговић М. Материјали за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића из московскога и петроградскога архива министарства иностраних дјела // Споменик Српске Краљевске академије. Београд, 1895. Књ. XXV. С. 8).*

В том же письме, которое можно считать программной декларацией этнополитических воззрений автора, утверждалось, что черногорцы являются народом, который «между погаными православием сияет и храбростию обороняется», причем этот народ не только «вельми храбр», но и «остроумен»: «...таковаго же суть ума Черногорцы, яко ни мало ученый может препрети великаго философа римскаго». Здесь же автор письма просил А. П. Бестужева-Рюмина о новой поддержке со стороны российского правительства, которая оказывалась черногорцам со времен императора Петра Великого, и утверждал, что Черногория является независимой страной («ни от турков, ни от латин стоит необладаема»). В связи с этим считается, что изданию «Истории о Черной Горы» способствовал именно российский канцлер (*Аншаков Ю. П.* Черногорский митрополит Василий Петрович и Россия // Черногорцы в России [сб. ст.]. М., 2011. С. 38, 41).

Тем не менее можно полагать, что в издании был заинтересован и президент Академии наук К. Г. Разумовский: в своей резиденции в Батурине он лично встречался с Василием (Петровичем), прибывшим в 1752 г. в Россию, и весьма похвально аттестовал митрополита в рекомендациях, адресованных императрице Елизавете Петровне и ее фавориту А. Г. Разумовскому (*Драгович М.* Указ. соч. С. 11–12). Спустя два года К. Г. Разумовский получил более 80 экземпляров изданной в подведомственной ему типографии «Истории о Черной Горы» из более чем 200 экземпляров тиража.

Однако митрополит посвятил «Историю о Черной Горы» вице-канцлеру М. И. Воронцову. В посвящении, написанном 10 марта 1754 г. в Москве, автор объяснял цель своего сочинения, которую он видел в том, чтобы «с народом нашим Черногорским, и другие Славяносербские народы имели усерднейшее желание к высокославной Российской империи».

Повествование в «Истории о Черной Горы», автор которой явно не стремился выстроить строгую хронологическую последовательность событий, построено по смешанному историко-географическому принципу. Оно начинается с описания географического положения Черногории, ее областей и исторических достопримечательностей, сопровождаемого экскурсами в историю средневековой Сербской державы, а также в историю

османского завоевания Балкан, включая сражения на Косовом поле (1389 и 1448 гг.), отношения черногорских правителей с Венецианской республикой и т.п. Адресованное народам Балкан воззвание Петра I на борьбу с турками 1711 г. (Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. № 4304) описано митрополитом Василием как переломный этап в истории черногорцев, которых российский монарх, «слышавши об их славных и храбрых делах», особо выделял, «выхваляя их верность и постоянство», причем, как утверждал автор книги, черногорцы стали единственным балканским народом, поднявшимся на борьбу с османами по призыву царя, и в этом отношении противопоставлены сербам. История Черногории доведена сочинителем до 1750 г.

Книга митрополита Василия, ставшая первым в своем роде опытом историописания, в XIX в. неоднократно переиздавалась в России и Сербии, переводилась на французский и итальянский языки (*Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979. С. 105–106). Однако было бы неверно видеть в ней труд «кабинетного ученого». В свое время, когда автор добивался и в итоге добился осуществления издания в Санкт-Петербурге, «История о Черной Горы» стала частью политического проекта митрополита, надеявшегося, с одной стороны, привести Черногорию в подданство Российской империи, а с другой — организовать масштабное переселение черногорцев в Россию. Имя и деяния Петра I, о которых, как и об идее православно-единства, Василий (Петрович) не раз упоминал не только в своем историческом сочинении, но и в посланиях ко многим российским сановникам, поддержки которых он искал, служили своеобразным символическим инструментом, прилагавшимся для решения конкретных задач в том виде, как их понимал черногорский церковный политик середины XVIII в.

Выпускники Московской славяно-греко-латинской академии и развитие книгопечатного дела в петровское время

Организованная в 1685 г. в Москве Славяно-греко-латинская академия, руководимая греческими дидаскалами братьями Иоанникием и Софронием Лихудами, была не только образовательным и книгописным центром, но и местом подготовки профессиональных кадров для Московского печатного двора. Мы уже обращали внимание на то, что судьбы многих учеников академии были связаны со столичным центром книгопечатания (*Рамазанова Д.Н. Ученики Московской Славяно-греко-латинской Академии — работники Московского Печатного двора в конце XVII — начале XVIII в. // Федоровские чтения — 2011. М., 2012. С. 118–126*). Еще во время учебы в академии ученики Лихудов становились сотрудниками Печатного двора, где они занимали должности чтецов, писцов, наборщиков, справщиков. Первым, кого приняли на Печатный двор, стал Федор Поликарпов, поступивший в 1690 г. на должность книгописца; в 1691 г. туда был принят на службу чтецом Николай Семенов; в 1692 г. — Федот Агеев, затем Федор Герасимов, Карп Федоров и другие студенты.

По завершении учебы в академии выпускники получали и более высокие должности на Печатном дворе, в связи с чем расширялся круг их обязанностей. Яркими примерами этому были судьбы первых учеников Лихудов Николая Семенова и Федора Поликарпова: спустя несколько лет после поступления на службу на Печатный двор они уже стали справщиками. Более существенного карьерного продвижения добился Федор Поликарпов, который по указу Петра I от 15 ноября 1701 г. был назначен начальным человеком на Московском печатном дворе (*Браиловский С.Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Ч. 295. № 9. С. 21*). Однако заслуги Федора Поликарпова были связаны не только с должностными успехами,

но и с творческими достижениями. К первым из них относится оставление двух трехязычных учебных книг — «Славяно-греко-латинского букваря» (М., 1701) и «Лексикона Трехязычного» (М., 1704) (Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. С. 297–299 (№ 1083), с. 299–300 (№ 1084)).

Эти труды Федора Поликарпова стали первыми книгами, изданными в Москве тремя шрифтами — латинским, греческим и кириллическим. Ф. Поликарпов не только был знатоком греческого и латинского языков, но и имел опыт практической редакторской и переводческой деятельности еще со времени обучения у Лихудов. Можно уверенно полагать, что составление и издание трехязычных учебных пособий было обусловлено образовательным опытом и знаниями, которые давала слушателям Славяно-греко-латинская академия. Так впервые в истории московской книжной культуры возникли печатные издания, в которых одновременно использовалось несколько шрифтов. Это стало первым в этом роде опытом для столичных типографов. Появились книги, призванные служить учащимся основой для освоения не одного, а сразу трех языков. Несомненно, издание таких новаторских книг было связано с именем Ф. Поликарпова благодаря не только его авторству, но и административным полномочиям. Поскольку как непосредственный руководитель Московского печатного двора он получил возможность продвинуть работу над этими изданиями. Выход в свет составленных Ф. Поликарповым учебных пособий можно воспринимать как первый этап новаций в типографском деле и подготовки к основному этапу реформы шрифта — введению гражданской печати.

Кроме Федора Поликарпова и другие ученики Лихудов участвовали в подготовке не только славянских книг кириллической печати, но и первых изданий, напечатанных гражданским шрифтом: например, Николай Семенов был справщиком книги Квинта Курция «О делах содеянных Александра Великого царя Македонского» (М., 1709). Таким образом, выпускники Славяно-греко-латинской академии, ставшие служащими Московского печатного двора, благодаря своей подготовке и знаниям оказались активными участниками и отчасти проводниками реформ в области книгопечатного дела.

**Новгородская архиерейская школа —
центр образования на Северо-Западе России
в первой трети XVIII в.**

В истории образования петровского времени Новгородская архиерейская школа занимает особое место. Открытая новгородским митрополитом Иовом и реализованная с помощью братьев Лихудов и их учеников, школа стала одним из наиболее успешных образовательных проектов эпохи. Проект был задуман как многофункциональный, направленный на обучение, переводческую и книгоиздательскую деятельность. Наибольших результатов школа добилась как образовательный центр, в котором наряду с начальным обучением «книгочтению», Псалтири и Часослову преподавались грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика и пиитика. Успешная деятельность школы, а также активная позиция новгородских владык, их место и роль в церковной иерархии сделали ее образцом для других епархиальных школ России, оказали влияние на формирование законодательных норм в области образования петровского и послепетровского времени.

Первым всероссийским проектом, реализованным в Новгородской школе, стало обучение дворянских недорослей. В октябре 1715 г. царь Петр I издал указ об обучении в Новгороде неграмотных дворянских детей, определенных для учебы в Морской академии. В архиерейской школе дворянские дети получали начальное образование у дьячка Алексея Васильева и, возможно, знакомились с азами точных наук — «цифири и геометрии». Всего с 1715 по 1721 г. в школе обучалось 330 человек.

Новгородская епархия стала одной из немногих в России, где была предпринята попытка реализовать проект по организации цифирных школ. Первый указ Петра I об этих школах был издан 28 февраля 1714 г. Он предписывал открывать цифирные школы при архиерейских домах и монастырях, тем самым перекладывая

часть расходов на содержание образовательных учреждений на церковь. Последующие указы обязали учить в этих школах и детей духовенства. Это вызвало негативную реакцию со стороны церкви.

История цифирной школы в Новгороде начинается в 1716 г., когда в город прибыл навигатор Василий Залуцкий. Организация обучения арифметике и геометрии в Новгороде, как и в других городах России, оказалась делом непростым. Только 9 августа 1720 г. епископ Аарон (Еропкин), викарий Новгородской епархии, подписал указ, в котором приказал отвести в архиерейском доме удобные к арифметическому учению помещения и разрешить набор в школу детей духовенства. К сожалению, цифирная школа работала в Новгороде недолго. В 1721 г., после учреждения Синода и издания Духовного регламента, епархиальным властям было запрещено выполнять распоряжения светского начальства о цифирных школах, а указом от 19 ноября 1721 г. император освободил детей духовенства от обучения в них.

Возвращение к реализации этого проекта произошло неожиданно. 19 августа 1723 г. архиепископ новгородский Феодосий (Яновский) выступил в Синоде с предложением, чтобы по примеру Новгородской архиерейской школы и школ, открытых в разных местах Новгородской епархии, обучением детей занимались только «грамматисты», то есть ученики, освоившие курс грамматики церковнославянского языка. Владыка предложил обучать в новгородских школах и «разночинцов, в свецкой команде обретающихся». 27 августа Синод направил это предложение в Правительствующий Сенат, который ответил, что проект совместного обучения представителей разных сословий уже существует — это цифирные школы. И предложил Синоду объединить архиерейские школы с цифирными. Синод ответил, что архиерейские школы действуют только в Новгородской епархии, где и возможно такое объединение. 15 мая 1724 г. Синод издал указ о соединении архиерейской и цифирной школ только в Новгороде. В указе было также сказано, что детей светских людей следует «обучать у тех архиерейских учителей, чтоб таковое правильное обучение умножилось». Таким образом Феодосий (Яновский) получил разрешение обучать детей светских сословий в архиерейской школе.

В конце 1723 г. новгородский владыка выступил в Синоде с еще одной инициативой об обязательном обучении грамматике церковнославянского языка детей духовенства. Указ Синода о присылке в Новгород для изучения «грамматики и прочих к познанию Священного Писания приличных наук» учеников из других епархий был издан 13 ноября 1723 г. Новгородская архиерейская школа стала центром по подготовке учителей из других епархий России. За два года в ней обучался 21 человек из Великоустюжской, Воронежской, Коломенской, Ростовской, Рязанской, Суздальской и Тверской епархий. Нельзя не упомянуть о том, что еще до этого проекта ученики Новгородской школы стали учителями Псковской архиерейской школы и школы при Александро-Невском монастыре, а также разъехались по одиннадцати епархиальным школам Новгородской епархии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42029

Обучение детей администрации казенных заводов Урала в гимназии Академии наук в 1735–1739 гг.

В январе 1735 г. глава заводов Урала В. Н. Татищев задумал отправить в Академическую гимназию сыновей горных офицеров, бергмейстера Никифора Клеопина — Григория, первого полицмейстера Екатеринбургa Семена Сикорского — Федора, будущего полицмейстера Алексея Арефьева — Богдана, горного надзирателя Якова Степанова — Александра. В. Н. Татищев наметил программу их обучения: «в языках, в немецком и латинском, також мафематики, физики, механики, архитектуры, знаменовании и протчему, что к пользе заводской знать можно». На содержание каждого из средств заводов выделялось сначала 24 руб. в год, затем — 36 руб. Гиттенмейстеру (плавильному мастеру) И. Улиху поручалось доставить их в столицу.

27 марта 1735 г., через два с лишним месяца пути, они были представлены президенту Академии И. А. Корфу, который «радовался, что от такого весьма дальнего места люди присылаются...». Г. Клеопин поселился у дяди на Большой Морской; трое учеников остановились у родственника Ф. Сикорского на 8-й линии Васильевского острова. Гимназистам предписывалось 14 апреля «быть в гимназии» и начать обучение языкам.

Благодаря запросу Генерал-берг-директориума в Академию о том, чему обучились екатеринбуржцы, мы получаем данные на июль 1737 г. О Ф. Сикорском сообщалось: «немецкую грамматику выучил, переводит с немецкого на российской и с российского на немецкой язык, говорит по-немецки нехудо, читает и пишет по-немецке и латински хорошо, в географии учит пятую главу о Франции, в арифметике учит тройные правила и при том учится по-французски, танцовать и рисовать начал, в науках понятен». Б. Арефьев учил те же предметы, в географии вторую главу, в арифметике умножение. Г. Клеопин освоил грамматику, переводит на русский, «говорит немного по-немецки; читает и пишет по-немецки и по-латински нарочито, в арифметике учит деление. В науках не очень понятен». Об А. Степанове умалчивалось.

В справке для руководства Академии приводились дополнительные данные. Ф. Сикорский переводил с немецкого и наоборот «нехудо, о чем явствуют его книги» (ясен метод контроля за переводами), «но понеже в гимназии рисовального мастера уже давно нет, то рисовать перестал». Степанов «обучается [в]новь немецкому», то есть ранее его не изучал, в грамматике учит 203-ю страницу, «говорит худо по-немецки», читает «нарочито», а по-латински «худо», пишет на этих языках «нехудо». За время обучения он пропустил 253 дня занятий, Ф. Сикорский — 199, Г. Клеопин — 125, Б. Арефьев — 47, поскольку, как отмечали учителя, посещали они занятия, меняясь, по очереди. Занимались, видимо, на дому самостоятельно, обмениваясь книгами.

Учебные пособия им выдавались из книжной лавки в кредит на счет заводов. Благодаря счетам, общему реестру полученных книг, экземплярам, сохранившимся в Свердловском областном краеведческом музее, мы реконструировали их состав. Грамматики немецкого юноши привезли из Екатеринбурга. Выданная же литература представляла новейшие издания, вышедшие из немецких типографий и Академии наук. В январе 1736 г. гимназистам были даны три «Доната» Рения (Лейпциг, 1734); в октябре — лексикон Э. Вейсмана, «Рисовальная книга» И. Прейслера (вскоре ее имел каждый); в январе 1737 г. — две «Географии» Губнера (Лейпциг, 1735); в июле — две «Curas H. Einleitung Zur Universal-Historie» (Берлин, 1735); в августе — сентябре — две «Библейской истории» И. Губнера; в 1738 г. — три «российских атласа». В июне 1738 г. для обучения в латинском классе двум юношам вручили по книге К. Целлария «Latinitatis Probatae», одному — в переплете с его же грамматикой (Берлин, Потсдам, 1735); Ф. Сикорскому — с «Exercitae Liber Memorialis... Berolini, 1735». Арефьеву дали «Compendium Grammaticae Latinae» (Berlin, 1734), товарищ получил «Lange J. Verbesserte und Erleichterte Lateinische Grammatica. Halle, 1732». Выдана была и французская грамматика Ж. Пеплие (Лейпциг, 1737).

Широкие знания могли гимназистам помочь обрести лексиконы И. Губнера. В октябре 1736 г., летом 1738 г. им выдали «Reales Staats-Zeitungs und Conversations-Lexicon» (Leipzig, 1735 и 1737) со статьями о государствах, монетных системах, мерах

веса; военно-строительному искусству, военному делу; о морях, озерах, реках, горах, городах, крепостях, замках, гаванях. В сентябре 1737 г. и летом 1738 г. — еще два: «Curieuses und Reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck-und Handlungs-Lexicon» (Leipzig, 1736), где характеризовались понятия, относящиеся к физике, химии, математике, астрономии, механике, ботанике, медицине, анатомии, хирургии, аптекарскому искусству и т.д. Г. Клеопин в начале 1739 г. заполучил 10 томов «Политической истории» И. Гюбнера, 5 частей «Суплементов» к ней, «Вольфов математической лексикон». Налицо проявление у уральцев индивидуального интереса к получению знаний, благодаря владению немецким языком.

В феврале 1739 г. уральское начальство отозвало гимназистов на Урал. В пути из столицы и первое время при заводах они обслуживали в качестве переводчиков группу из 57 специалистов, выписанных из Саксонии. Начав трудиться надзирателями заводов и рудников Урала и Сибири, бывшие гимназисты пополнили ряды ведущих горных офицеров. Полученные в Санкт-Петербурге знания не пропали даром.

Наука, образование и промышленное производство на страницах «Ведомостей»

В газете, созданной по инициативе Петра I, среди прочего можно встретить информацию, которая относится к деловой составляющей (торговля, добыча полезных ископаемых, промыслы и др.). При этом весьма активно освещается и тема внедрения научных достижений, результатов и методик учебно-образовательной деятельности в различные виды производства. Кроме торговли как одного из главных (после военной тематики) информационных поводов для обновляющегося государства, «Ведомости» рассказывали и об учреждении мануфактур, работе заводов и развитии ремесел.

Уже в первом дошедшем до нашего времени печатном номере (3 января 1703 г.) среди основных новостных повесток затронута и тема образования: «Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили. В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

«Ведомости» активно информировали об успехах промышленности. Добыча «стратегически важных» полезных ископаемых (железо, медь, руда) была связана в первую очередь с военной необходимостью. Однако развитию тяжелой промышленности уделялось внимание на страницах газеты и в годы, когда война уже была близка к завершению. «В государстве обретающиеся металлы и минералии весьма изрядно выходят, и уже многие богатые руды явились» (25 августа 1719 г.). По сообщениям газеты, значительно развивается мануфактурное производство: «Купеческие и мануфактурные, и всякие рукодельные дела зело успевают» (1 июля 1719 г.); «Шолковые, штофные, лентовые и чюлошные такожде и шерстяные мануфактуры, в добром порядке происходят» (25 августа 1719 г.).

Успехи в развитии промышленности и горного дела становились реальными в том числе благодаря научным изысканиям и внедрению специального образования. Подготовке

специалистов действительно уделялось особое внимание. При чем важно отметить, что иностранные специалисты, «которым повелено каждому свое производить ремесло, для размножения мануфактур в государстве» (25 августа 1719 г.), привлекаются для обучения отечественных мастеров, проявляющих способности и желание. Обучающие и обучаемые очень ценны, ведь строятся и начинают работать заводы овчарные, пороховые деревянные, оружейные, селитерные (25 августа 1719 г.). Газета сообщала, что активно идет обучение ремеслу, а во многих отраслях знания и производства есть результаты: например, к мануфактурным работам «с двести человек охотных ребят для науки записалось, и простой народ к сим наукам особливую охоту показывают» (25 августа 1719 г.).

Таким образом, в петровских «Ведомостях», помимо военной составляющей, значительное внимание уделялось проблемам экономического развития страны, ее научно-технической модернизации, а также значению успехов науки и образования в практической плоскости для становления государства. Наука, образование и промышленное производство на страницах «Ведомостей» связывались во взаимозависимое и перспективное для государства единство, которое получало информационное сопровождение.

«Книги политические, которые продаются в Гаге»: 300 лет спустя

15 февраля 1723 г. в Москве вышло первое издание анонимного памфлета «Книги политические...», оформленного в виде списка вымышленных книг. Второе издание появилось в Петербурге 19 августа 1724 г. На протяжении XIX–XX вв. памфлет не раз удостаивался внимания исследователей. Так, его касались П. П. Пекарский, А. Ф. Бычков, С. Я. Марлинский, а редактуру, выполненную рукой Петра I, еще в XVIII в. упоминал в дополнении к своему сочинению И. И. Голиков. На сегодняшний день единственным специальным исследованием, посвященным памфлету, остается статья С. А. Рейсера, изданная в 1955 г. в приложении к сводному каталогу изданий гражданской печати (Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. / сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. СПб., 1955) и уже явно устаревшая.

В своем докладе мы ставим цель пересмотреть трактовки С. А. Рейсера с учетом сегодняшних знаний, а также сделать новые выводы о назначении памфлета и факторах, которые обусловили его создание и особенности содержания. Хотя мы не претендуем на исчерпывающий пересмотр, но убеждены, что выявленные новые факты дают достаточные основания для наших выводов.

Начнем с достоинств работы С. А. Рейсера. Прежде всего, он первым указал, что перечисленные книги вымышлены, а действительным памфлетом служит сам список. Второе достоинство — полнота: рассмотрены все 24 параграфа памфлета. Безусловно верным шагом является привлечение для анализа выпусков «Ведомостей», пускай и беглое — по справедливому суждению С. А. Рейсера, именно эта газета могла дать русскому читателю сведения, необходимые для понимания памфлета. В таком же контексте привлекается и другой памфлет, связанный содержательно с § 16 — «Рассуждение о оказательствах к миру...», вышедший в Петербурге в 1720 г. Анализируя зарубежную

политическую обстановку, насмешки над которой составляют содержание памфлета, С. А. Рейсер не ограничивается отечественной историографией, а обращается и к иностранной. Выявлены и западноевропейские прообразы памфлета — такие же списки несуществующих книг.

Но очевидны и недостатки, главные из которых — предварительность или односторонность толкований. В большинстве случаев они могут быть списаны на обстоятельства написания статьи, а именно труднодоступность актуальных зарубежных исследований и цензурно-конъюнктурные ограничения.

Так или иначе, изучая памфлет, мы обязаны, вооружившись новыми знаниями, попытаться заново растолковать его, а также поместить в политический контекст своего времени. В одном случае от нас не требуется и дополнительных знаний: чтобы понять смысл шутки в § 3, достаточно внимательнее отнестись к словам. В отличие от С. А. Рейсера, нам сегодня полностью понятно содержание § 24 (касающееся Пармы и Флоренции). Напротив, трудно добавить что-либо важное к сказанному ученым относительно § 16–19 (о Гибралтаре, Камбрейском конгрессе и действиях адмирала Дж. Норриса).

В большинстве случаев, однако, прежние толкования несовершенно главным образом за счет односторонности. Здесь С. А. Рейсер вынужденно шел на поводу у автора памфлета, который, насмехаясь над европейской политикой, умалчивал о вовлеченности в нее Петра I. Наибольшим контрастом между подачей и реальностью отмечен § 20, где памфлет безучастно упоминает якобитского претендента на британский престол. Как известно, как раз на последние годы правления Петра I и правление Екатерины I пришелся пик сотрудничества российских властей с якобитами. Такой же односторонностью страдает и трактовка параграфов, касающихся Франции, Испании, Швеции и Австрии (а это большинство).

Не менее важно и то, о каких первостепенных европейских державах памфлет умалчивает. Такая держава одна — Османская империя. Это обусловлено крайним неудобством темы — прежде всего, ввиду прутского поражения Петра I, а также ряда последующих уступок российской стороны.

Перейдем к выводам. Памфлет стал отражением пропагандистской реакции на политическую изоляцию России после

Ништадтского мира. Не столько превознося Россию, сколько понося другие державы, редактор и конечный заказчик — Петр I — выступал под маской безучастного насмешника (на самом деле глубоко погрузившись в европейские интриги). Памфлет не только косвенно хвалил российские власти и воодушевлял русского читателя, но и едва ли в меньшей степени скрывал от последнего действительную внешнеполитическую активность императора и его правительства.

Не решенным до конца остается вопрос о целевом круге читателей. Только доскональная проработка «Ведомостей», а также политических памфлетов и трактатов петровского времени позволит узнать, имела ли в России значительная группа подданных, которые были достаточно осведомлены о европейской политике и к которым при этом было бы целесообразно обращаться с памфлетом. При зачаточном состоянии отечественной памфлетистики «Книги политические...» в любом случае были для российской публики изданием «на вырост». Не исключено, что хотя бы задумывалась публикация перевода за рубежом. Но нужно отметить предположение С. А. Рейсера, что первым таким переводом был бы французский.

**Исаак Брукнер (1686–1762) и развитие
камнерезного художества
в Императорской Академии наук и художеств
в первой половине XVIII в.**

В 1726–1766 гг. в состав Императорской Академии наук и художеств входил комплекс художественных мастерских (палат): Словолитная, Пунсонная, Переплетная, Гравировальная, Ландкартная, Фигурная (Типография гравированных фигур), Рисовальная, Камнерезная, Инструментальная, Столярная, Токарная, Оптическая и Скульптурная. Их развитие напрямую зависело от научной и издательской деятельности Академии, а также изменяющихся потребностей императорского двора. В 1730–1750-е гг. мастерские в известной мере компенсировали отсутствие в России самостоятельной Академии художеств. Камнерезная палата до настоящего времени остается вне поля зрения исследователей.

У истоков развития искусства резьбы по камню в Академии наук стоял швейцарский механик, мастер по изготовлению научных инструментов Исаак Брукнер (1686–1762). Он был сыном протестантского священника Г. Г. Брукнера и первоначально работал в Базеле в качестве гравера и резчика медалей. Впоследствии И. Брукнер получил известность как мастер по изготовлению глобусов, научных инструментов и знаток географии. В 1725 г. он подарил глобус собственной работы Людовику XV, был удостоен титула «Географ короля» и избран в члены-корреспонденты Парижской академии наук. Труды И. Брукнера были хорошо знакомы швейцарским механикам, физикам и математикам. В 1733 г. он был приглашен на службу в российскую Академию наук.

И. Брукнер дважды, в 1733 и 1738 гг., подписывал контракты с Академией, обязуясь выполнять все, что относится к «географическому и механическому искусствам», и обучать учеников инструментальному делу. За годы службы в России он изготавливал астролябии, солнечные часы-глобусы, компасы, занимал-

ся починкой и изобретал новые инструменты, принимал участие в экспертизах машин и механизмов, писал трактаты. В собрании Государственного Эрмитажа хранятся подписные солнечные универсальные часы работы И. Брукнера, поднесенные Академией наук императрице Анне Иоанновне в 1735 г. Такой же прибор, объединяющий глобус и солнечные часы, был изготовлен и подарен императрице Елизавете Петровне в 1746 г. (ныне в собрании Оружейной палаты Московского Кремля).

В декабре 1734 г. мастер предложил Академии наук купить у него камни, инструменты для их обработки и обучать учеников-камнерезов. Данное предложение, несомненно, явилось ответом на интерес императорского двора к разработке месторождений агата и яшмы в России и использованию минералов при оформлении дворцов, парков, создании предметов декоративно-прикладного искусства. Академия наук была вовлечена в поиски искусных каменотесов для разработки месторождений и регулярно получала минералы для экспертизы.

Согласно именному указу Анны Иоанновны (1735), в Петергофе была построена мельница для шлифования и полирования камней. Ее строительство, изготовление и оборудование механизмами, наем рабочего персонала, закупка материалов осуществлялись Канцелярией от строений по указаниям, полученным из Академии наук и составленным на основе рекомендаций И. Брукнера. В 1738 г. в контракт мастера были включены новые обязанности — привести мельницу в совершенство и обучать на ней полированию, гранению и резьбе на камнях. Оборудованная мельница в 1740 г. была передана в Канцелярию от строений, поскольку Академия не могла ее содержать.

На мельнице у И. Брукнера было восемь учеников. Трое — С. Бабаев (Бабачев), К. Плотников, В. Павлов — были приняты в Канцелярию от строений. Пятеро — А. С. Спиридонов, М. Шматинин, Ф. Я. Краюхин (1724–1778), И. С. Романов (1724–?), М. Никитин — остались в Академии. Воспитанники И. Брукнера были обучены резьбе по камню, стали, меди и кости. Они могли изготавливать каменные табакерки, набалдашники тростей, отливать портреты из стекла, вырезать печати.

А. С. Спиридонов в 1744 г. стал подмастерьем «резного на камне художества» и служил в Академии по крайней мере

до 1758 г. Вместе с ним работал «гранильщик» Максим Шматинин. Ф. Я. Краюхин и И. С. Романов продолжили обучение у мастера Пунсонной палаты И. Купи. И. С. Романов с 1757 г. служил в Монетной канцелярии. Ф. Я. Краюхин в 1756 г., получив звание мастера «медальерного, пунсонного и камнерезного художеств», возглавил Пунсонную палату Академии.

В 1745 г. И. Брукнер был уволен из штата Академии и до возвращения в Европу (1748) работал по заказам Кабинета ее императорского величества. В Европе он изготовил глобусы для Фридриха Великого, штатгальтера Нидерландов Вильгельма IV Оранского и городского совета Базеля, издал атлас морских карт (1749). С 1753 г. И. Брукнер читал лекции по географии, механике и геометрии в Базельском университете. Его судьба, бесспорно, отразила важные черты эпохи европейского Просвещения: открытость границ, востребованность научного знания при дворах европейских монархов, тесный союз науки и художеств.

Гербарий Роберта Арескина и начало ботаники в России

Вопросы периодизации в истории науки дискуссионны и часто пересматриваются, в зависимости не только от состояния изученности документов или артефактов, но и от господствующей концепции. В последние годы интенсивное изучение долинеевского периода в развитии ботаники дает повод пересмотреть устоявшиеся взгляды на историю изучения флоры Восточной Европы и Сибири.

В этой связи особое значение приобретает фигура одного из ближайших сподвижников Петра I, лейб-медика Роберта Арескина (Erskine, Robert; 1677–1718). Его образование, статус в ученом мире (в 1703 г. он был принят в члены Лондонского королевского общества) и исключительная прозорливость способствовали организации долговременно существующих институций (Кунсткамера, Медицинский сад (Аптекарский огород) в Петербурге), а также безошибочному выбору приглашаемых ученых, в частности Д. Г. Мессершмидта, первопроходца научного изучения Сибири.

Гербарий Р. Арескина, хранящийся в фондах МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), рассматривался как собрание лекарственных растений, снабженных курьезными названиями. Изучение гербария коллективом авторов разных специальностей (А. В. Леострин, А. Н. Луферов, В. А. Стасевич, К. С. Худин) в контексте общеевропейских тенденций развития ботаники выявило подлинную научную ценность этой коллекции, а дату ее создания — 1709 г. — приняло как стартовую точку дальнейшего развития ботаники в России. Коллекция была изучена и введена в научный оборот (см.: Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра / авт.-сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластун. СПб., 2022).

В гербарии представлено 185 видов растений, собранных в окрестностях Москвы. Согласно традиции, продолжавшейся в первой половине XVIII в., листы были сшиты в книгу,

а основания побегов маскируют декоративные элементы в виде стилизованных «двуручных ваз», вырезанных из бумаги, окрашенной в красный цвет, что характерно для ботанических коллекций эпохи барокко. Образцы снабжены этикетками с латинскими названиями растений и пронумерованы. Согласно желанию Р. Арескина, в гербарии представлены дикорастущие растения Подмосковья.

Анализ таксономического состава гербария Р. Арескина показал, что он включает 185 видов сосудистых растений из 154 родов и 50 семейств, собранных в окрестностях Москвы. Примечательно, что из них 145 видов (или 78,4% от общего числа видов из коллекции Р. Арескина) из 121 рода и 46 семейств входят в состав современной флоры Коломенского. При этом совпадение списков происходит в отношении не только тривиальных, но и редких видов — фиалка топяная (*Viola uliginosa* Bess.), лунник оживающий (*Lunaria rediviva* L.).

Р. Арескин, став главой Аптекарского приказа в 1706 г., оставался и «Главным Инспектором дворцовых Коломенских садов», что, вероятно, способствовало сбору растений коллекторов-травников в этой царской усадьбе. О том, что гербарий Р. Арескина выполнял научную функцию, свидетельствует структура коллекции. Вопреки изначально поставленной им задаче собрать дикорастущие растения, характерные для окрестностей Москвы, наряду с аборигенными видами в коллекции присутствуют и чужеродные растения, составляющие около 11%. Почти все они расположены на листах, завершающих гербарий. Эта дифференциация аборигенных и инвазионных растений свидетельствует о рациональном подходе в их представлении, а современному исследователю дает драгоценную возможность установить видовую принадлежность экзотов, выращиваемых в московских садах петровского времени.

Второй подход в представлении аборигенных видов — фенологический принцип, отражающий последовательность сроков цветения. Этот порядок выдержан с № 1 по 23. Он открывался селезеночником очереднолистным (*Chrysosplenium alternifolium* L.) — и сейчас обычным в Подмосковье, тогда как под № 4 размещена сон-трава (*Pulsatilla patens* (L.) Mill.), ныне исчезнувшее украшение москворецких сосновых боров.

Третий подход предполагает применение сравнительного метода — основного в систематике растений и отступает от композиционного приема размещения растений по три на листе в сочетании с декоративными «вазонами». Четыре экземпляра представителей семейства гвоздичных, называемых в гербарии разными видами рода *Lychnis* (№ 55–58), обладают двуполыми или раздельнополыми цветками. Эксперименты с *Lychnis*, произведенные в 1678 г. оксфордским ботаником Дж. Бобартом (J. Bobart), доказывали существование пола у растений и были развиты в «*Historia plantarum*» Джона Рея (1686). Эта проблема стала одной из самых актуальных в ботанике XVIII в.

Таким образом, гербарий Роберта Арескина демонстрирует преобладание эвристического ботанического метода над медицинскими целями и дает возможность датировать старт развития ботаники в России 1709 г.

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-42010

О малоизвестном виде печатного бланка Петровской эпохи: внутриведомственные указы-бланки

Среди петровских реформ в системе управления особую роль играет его целенаправленное введение практики использования печатных (вместо рукописных) документов в разные сферы государственной администрации. Предварительная классификация ранних (до 1762 г.) русских печатных бланков, которая разрабатывается в процессе составления (совместно с Ю. Э. Шустовой) Сводного каталога, показывает, что почти все виды бланков выдавались отдельным лицам в качестве свидетельства о каких-либо правах или привилегиях или о назначении на какую-то должность. Это, например, патенты на чин, жалованные грамоты, ставленные грамоты, паспорта, абшиды, подорожные. Особый интерес поэтому представляют примеры «внутриведомственного» употребления печатных бланков. Такие бланки существовали, но они практически не исследованы.

Речь идет об особых бланках указов, в тексте которых оставались пустые места для внесения данных от руки. Они связаны главным образом с урегулированием процедур для проверки распространения и исполнения самих указов. Такие «указы об указах» рассылались от имени центральных ведомств (Правительствующего Сената, Адмиралтейской коллегии и др.) ответственным представителям губернских, городских и провинциальных администраций. Можно предварительно выделить три основные разновидности:

1. Указы об исполнении указов. Это самый простой вариант. После текста указа следует инструкция — «[имярек] учинить по сему указу».
2. Справка о высылке определенного количества печатных копий какого-то центрального указа; иногда также добавляется инструкция об их «публикации» и/или исполнении.

3. Указ-извещение: сообщается, например, о назначении кого-то на какую-то должность и оставлено место, где от руки требовалось написать, кому данное извещение высылается.

Особый интерес представляют две группы ранних «внутриведомственных» бланков. В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН в коллекции Н. П. Лихачева хранится группа указов-бланков, высланных из Сената в два места. Некоторые из них были направлены в Коммерц-коллегию, а большая часть адресована «полковнику Пошехонской провинции воеводе Хитрову со товарищи». В РНБ — довольно большая группа документов, высланных из Адмиралтейской коллегии «на Липецких и Козминских заводах команду имеющему». Эти группы документов аналогичны друг другу по функции, но отличаются по происхождению и в некоторых деталях оформления. Сенатские бланки печатались в Сенатской типографии и обычно оформлялись по правилам обычных указов, включая выходные данные и (иногда) декоративное «Место Печати».

Бланки Адмиралтейской коллегии печатались в типографии Морской академии и оформлялись проще. Иногда в документах Адмиралтейской коллегии текст основного указа и текст «указа об указе» печатались на одном листе. Содержание таких указов-бланков самое разное: от торжественного извещения о кончине Петра Великого, с личными подписями всех членов Правительствующего Сената, до простого сообщения о том, что «Гиндрик Гизин» назначен советником Военной коллегии. Судя по разнообразию содержания и по довольно скромному уровню провинциальных адресатов, можно предположить, что хотя бы на некоторое время данная процедура с использованием внутриведомственных бланков достаточно широко распространялась и даже считалась нормой.

Еще рано с уверенностью делать какие-либо выводы о происхождении такой практики и о хронологии ее бытования. Примечательно, однако, что привлеченные к исследованию две группы бланков, хотя они создавались и хранились совершенно независимо друг от друга, все-таки восходят к почти одному небольшому периоду. Самый ранний из сенатских бланков Архива СПбИИ РАН высылался в Пошехонскую провинцию 30 ноября 1724 г.

(хотя некоторые «циркуляры» в Коммерц-коллегию датируются раньше), а самый поздний — 20 ноября 1725 г. Бланки Адмиралтейской коллегии в РНБ датируются от 13 февраля 1725 г. до 31 октября 1726 г. Временные границы данного обзора узкие. В описях и каталогах идентифицировано уже довольно много других экземпляров и групп указов-бланков 1720-х–1740-х годов, но об общей истории этого вида источника рассуждать пока преждевременно.

Тем не менее вряд ли совсем случайно близкое совпадение начальных дат. Возникновение и распространение подобных бланков можно рассматривать в определенном контексте. Во-первых, они вполне укладываются в общую картину других «позднепетровских» инициатив по введению печатных бланков в административную практику. А во-вторых, именно к середине 1724 г. Сенат (в указе от 27 мая) выразил особую озабоченность по поводу отсутствия надежных процедур, которые гарантировали бы, чтобы «из канцелярий, из губерний и из провинций» систематически поступали сведения о получении и исполнении центральных указов.

Денщик Петра I Михаил Ширяев и его сочинения

В большинстве словарей русских писателей XVIII в. можно найти имя Михаила Ивановича Ширяева. Сведения о нем чрезвычайно противоречивы и иной раз фантастичны. Ему приписываются разнообразные прозаические сочинения, стихи и даже музыкальные произведения. Почти во всех справочных изданиях, начиная с «Обзора русской духовной литературы» (1863) Филарета Гумилевского, его путают с другим литератором петровского времени — попом валдайским Михаилом, который подписывался «Михаил пастушок валдайский».

Как удалось выяснить, сейчас можно достоверно говорить только о трех литературных сочинениях М. И. Ширяева. Это 1) две проповеди, написанные в 1706 г. и сохранившиеся в списке рубежа 1770–1780-х гг.: «Слово на погребение» и «Слово о смерти» (РНБ. ОЛДП Q 104) и 2) [Похвальное песнопение Петру по случаю Полтавской победы], рукопись которого была поднесена царю Петру в годовщину Полтавской баталии 27 июня 1721 г. (БАН. П. I. Б. № 148). Также М. И. Ширяев является автором программы и текстов гравированной конклюдии, посвященной Петру и царствующему граду Санкт-Петербургу (БАН. Б/н). Эта гравюра была вырезана И. Ф. Зубовым, отпечатана на шелке и поднесена царю в новой российской столице в марте 1715 г.

Биография М. И. Ширяева частично восстанавливается по литературе и архивным документам. Он происходил из купеческой семьи из города Гороховца. С 1700 г. учился в Славяно-греко-латинской академии. Скорее всего, во время учебы М. И. Ширяев и написал две вышеупомянутые проповеди. В 1712 г. он был отправлен по распоряжению Петра I в Ригу в качестве помощника надсмотрщика над Рижским магистратом по купеческим делам. Возможно, тогда же состоялось личное знакомство царя с М. И. Ширяевым. В 1723–1724 гг. мы его находим среди приближенных Петра I. В это время он уже был царским денщиком. 15 февраля 1723 г. Петр I велел генерал-полицеймейстеру Петербурга А. М. Девиеру сыскать для М. И. Ширяева

жилые из числа опальных дворов. 24 мая император собственноручно выдал «князю великому оратору» М. И. Ширяеву шутовской паспорт для проезда на его родину в Гороховец, а 30 мая, в свой день рождения, обедал с ним в Москве. Согласно рукописному журналу вице-адмирала Я. С. Барша, в непогожем октябре 1724 г., во время путешествия в шлюпке по Волховским порогам, император разрешил сопровождать себя двум любимым денщикам В. П. Поспелову и М. И. Ширяеву. В архиве императорского двора есть записи 1724 г. о выдаче денщику Михаилу Ширяеву ведра французской водки и бочки пива.

М. И. Ширяев оказался замешанным в интриге против Вилима Монса. 9 ноября 1724 г. он передал царю роковое подметное письмо, в котором говорилось не только об измене Екатерины, но и о хранившемся в бумагах В. Монса рецепте яда, чтобы отравить царя. Это письмо стоило жизни Вилиму Монсу. А также оно, вероятно, сыграло не последнюю роль в том, что при жизни Петра I официально и окончательно не был решен вопрос о престолонаследии.

Денщики при дворе Петра I занимали уникальное положение. Эта должность парадоксальным образом соединяла в себе адъютанта, личного охранника и компаньона. Денщики, большей частью люди незнатного происхождения, пользовались почти неограниченным доверием царя: они спали, обедали с ним, развлекали его, сопровождали повсюду. Камер-юнкер Ф. В. Берхгольц писал, что денщики «величайшие фавориты и имеют большой вес». В дальнейшем они нередко получали высокие чины. Из денщиков вышли светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-прокурор Правительствующего Сената граф П. И. Ягужинский, генерал-фельдмаршал граф А. Б. Бутурлин. Вероятно, литературные способности М. И. Ширяева, риторические навыки, эрудиция и остроумие, со всей отчетливостью проявившиеся в его сочинениях, снискали интерес и привязанность Петра. Так среди царских денщиков появился писатель Михаил Иванович Ширяев.

Вклад выпускников военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга в картографирование территорий горнозаводского Урала в 1720–1740-е гг.

1 720–1740-е гг. — время активного формирования уральского промышленного региона: строятся новые казенные горные заводы, создается система территориально-экономического управления горнозаводским хозяйством, оформляются новые коммуникационные структуры. Многие из этих процессов нашли свое отражение в картографической документации уральской горной администрации с центром в г. Екатеринбурге.

Важнейшую роль в создании картографического комплекса урало-сибирского региона сыграли воспитанники военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга. Залогом этому выступала их образовательная подготовка. Например, выпускники Морской академии изучали арифметику, геометрию, тригонометрию, плоскую, сферическую, меркаторскую навигацию, географию, искусство составления карт, чертежей, планов, а выпускники геодезического класса академии — геодезию.

Всего с 1720 по 1734 г. на Урал прибыло свыше 70 выпускников столичных школ и академий. Отметим только тех из них, кто оставил после себя значимое картографическое наследие.

Это выпускники Инженерной школы — И. Н. Юдин, И. П. Баннер, В. О. Раздеришин, Артиллерийской школы — А. П. Метенев, П. Я. Яковлев, Морской академии — М. С. Кутузов, А. А. Татищев, Н. П. Бахорев, Н. И. Коркодинов, И. Г. Куроедов.

Деятельность их была разнообразной. Многие из них, прибыв на Урал, а кто-то еще раньше, обучившись в Швеции (в 1724–1727 гг. там находились А. А. Татищев, Н. П. Бахорев, Н. И. Коркодинов), постигали дополнительно горные науки — без этого невозможно было претендовать на руководящие должности в горнозаводской отрасли. Большой вклад в их образование внес, в частности, иностранный специалист-маркшейдер В. Ф. Штифт.

От него же многие русские ученики почерпнули знания и навыки в области составления горно-графической документации.

Про вклад выпускников военно-учебных заведений в развитие территорий Урала и Сибири стоит писать отдельно: они руководили заводами и строили их, осуществляли поиск полезных ископаемых, отправляясь иногда на несколько лет в экспедиции в качестве командиров поисковых партий, были учителями подраставшего уже на Урале нового поколения горных администраторов. Можно утверждать, что основной костяк горнозаводских руководителей к концу 1730-х состоял в основном из бывших школьников Москвы и Санкт-Петербурга.

Все указанные специалисты помимо управленческой деятельности выполняли поручения уральской горной администрации и в деле составления ведомственной картографической документации. Это были:

- ландкарты (географические карты) территорий;
- планы, схемы казенных и частных заводов;
- схемы рудников и рудничного хозяйства;
- чертежи и рисунки механизмов, машин, оборудования.

Данное картографическое наследие можно обнаружить во многих федеральных архивах страны (Российский государственных архив древних актов, Российский государственный военно-исторический архив), библиотеках (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), музеях (Отдел письменных источников Государственного исторического музея), в фондах региональных архивов (Государственный архив Свердловской области, Государственный архив Пермского края). Перечень этот, конечно, далеко не полный.

Например, картографическое наследие М. С. Кутузова сохранилось в ф. 271 «Берг-коллегия» РГАДА (Оп. 3. Д. 7, 123, 129 и проч.), в ф. 349 «Главное инженерное управление» РГВИА (Оп. 12. Д. 5515, 5517), в ф. 80 ОПИ ГИМ (Оп. 1. Д. 4), в ф. 59 «Чертежная Уральского горного управления» ГАСО (Оп. 7. Д. 42; Оп. 4. Д. 4161 и проч.). Это планы и чертежи заводов-крепости Екатеринбург, созданные в 1726, 1729 гг., чертежи Иркутской провинции, Илимского уезда, территорий по р. Лене 1732–1733 гг., ландкарта Красноуфимского уезда 1738 г. и многие другие.

Для понимания масштаба деятельности вышеназванных специалистов приведем примеры территориального охвата их деятельности.

Картографированием Сибири и Дальнего Востока занимались М. С. Кутузов (территории Иркутской провинции), А. А. Татищев (территории Западной Сибири, р. Тобол, Иртыш, Обь), А. П. Метнев (территории Якутского уезда), П. Я. Яковлев (Кольвано-Воскресенские заводы, Камчатка).

Территории Урала отражены в документах, составленных М. С. Кутузовым (территории казенных и частных заводов, Уфимская провинция), А. А. Татищевым (территории казенных и частных заводов, в частности современного Пермского края), И. Г. Куроедовым (Исетская провинция, Верхотурский, Пелымский, Туринский уезды, территории Оренбуржья).

Таким образом, специфика подготовки воспитанников петровских школ и академий, их деловые и личностные качества позволили им стать активными участниками событий, которые, несомненно, значимы для истории становления и развития промышленных регионов Урала и Сибири.

Выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 20-18-00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция»)

Научные коммуникации Петра I

Петр I был первопроходцем во многих сферах. Он первым осознал роль науки и культуры как важнейших инструментов преобразования общества и модернизации государства. Распорядившись основать Российскую академию наук, Петр I плотно связал свое имя с развитием научной мысли в России.

Цель настоящего доклада — продемонстрировать масштабность научных коммуникаций первого императора всероссийского и революционный характер его преобразований в деле покровительства наукам. Для большей наглядности связи Петра I с учеными, его современниками, были визуализированы с помощью цифровых технологий (программы Gephi).

Источником исследования научных коммуникаций Петра I стала переписка императора: с Г. Лейбницем, Ф. Рюйшем, А. Левенгуком. Нами были привлечены также биографии Петра I и его современников, написанные российскими и иностранными историками, каталог выставки Музеев Московского Кремля «Петр Первый. Коллекционер, исследователь, художник», «Очерки русской культуры XVIII» и другие. Тексты источников и исследований были предварительно автоматически обработаны: были выделены и размечены имена внутри текста, названия организаций (университетов, лабораторий, музеев), даты и места. Получилась общая таблица, описывающая, в каком контексте упоминается каждая из отобранных персоналий: как связан Петр I с этим человеком, где и когда с ним познакомился, как тесно и долго взаимодействовал. Эта информация позволила соединить отобранные персоналии друг с другом.

В качестве объектов (узлов) были выбраны ученые, которых лично знал Петр I. Отобранные персоналии были разделены на несколько категорий: по типу взаимодействия и стране проживания (Россия, Германия, Великобритания, Нидерланды, Шотландия, Швейцария, Франция).

Ближайшим сподвижником Петра I были шотландцы Роберт Арескин — лейб-медик и Яков Вилимович Брюс — инже-

нер и ученый (Я. Брюс создал собственный кабинет редкостей и собрал библиотеку). Р. Арескин и Я. Брюс сопровождали царя во время его первого заграничного путешествия.

Во время Великого посольства Петр I изучил коллекцию своего друга и советчика, амстердамского бургомистра, ученого Николаса Витсена, осматривал анатомический музей профессора Германа Бургаве, побывал в естественнонаучном кабинете архитектора Симона Схейнфута, слушал лекции анатома и хирурга профессора Готфрида Бидлоо, встречался с Антони ван Левенгуком, с Готфридом Вильгельмом Лейбницем, познакомился со знаменитым анатомом Фредериком Рюйшем (полученные у Ф. Рюйша знания царь применял на практике: умело вскрывал фурункулы, выдергивал зубы).

Погрузившись в мир экспериментальной науки, Петр I увлеченно осваивал сферы, в которых в то время совершались важнейшие открытия, — астрономию, математику, физику, медицину, анатомию, естественнонаучные дисциплины. По повелению российского императора было куплено собрание амстердамского профессора Альберта Себы, большую часть которого составляли спиртовые препараты и чучела животных, пресмыкающиеся, а также минеральная коллекция (минеральный кабинет) Х. Готвальда, врача по образованию.

Поистине титаническими были труды и масштаб личности Петра I, его вклад в развитие отечественной науки. Петровские научные коллекции открывали для российского общества новые горизонты, меняли представления об окружающей действительности и стимулировали научное познание.

Ивановский канал Петра I и первые опыты картографирования истока Дона

Ивановский канал — водный транспортный путь, объединявший верховье Дона с реками Шат и Упа бассейна Оки, — являлся одним из крупнейших инфраструктурных проектов Петровской эпохи. Приблизительно на середине его трассы располагалось Иван-озеро, по меньшей мере со времени «Книги Большому чертежу» считавшееся в России истоком Дона. Создание судоходного пути, начатое летом 1701 г., продолжалось около 20 лет, но завершено не было. Царь уделял проекту личное внимание: посетил окрестности озера до начала строительства, а также в феврале 1703 г., когда уже построили первые шлюзы.

Проектная документация по объекту, которая могла включать план местности вокруг Иван-озера, не сохранилась или не выявлена. Однако строители таковой, несомненно, располагали: руководивший работами М. П. Гагарин в письме Т. Н. Стрешневу в октябре 1701 г. писал, что «зачел делать конал против чертежа, какову ему быть ради судового ходу».

Измерения, которые могли использоваться при создании карт, предполагалось выполнить в ходе работ. Задание осуществить «меру и осмотр воденного пути» по трассе будущего канала от Алексинского до Данковского уезда (следовательно, и в верховье Дона) перед отправлением к озеру получил М. П. Гагарин. Воеводам городов предписывалось ему в этом помогать. Были ли такие измерения выполнены — неизвестно.

Строительство началось с расчистки озера и отходивших от него водотоков. Поскольку М. П. Гагарин о состоянии дел перед курировавшим строительство Разрядным приказом не отчитывался, оттуда 30 сентября 1701 г. к нему для инспекции был направлен подьячий Петр Поликострицкий. Ему предстояло выяснить, какое у озера поставлено «хоромное» строение, «сколько сделано перекопного дела и чего не доделано». П. Поликострицкому поручили потребовать, чтобы М. П. Гагарин описал постройки и «перекопное дело», а также «тому всему» изготовил чертеж

«со всякою подлинною ведомостью». Сообщив, «вскоре ль... перекопное дело зделано будет», он должен был отослать «чертеж с ним, Петром, о всем подлинно». Полученные от М. П. Гагарина материалы (отписку, опись и чертеж) подъячему следовало подать в Разрядном приказе.

Географический чертеж, отразивший состояние верховья Дона после первых месяцев гидротехнических работ в этом районе, создавался с участием местного персонала. М. П. Гагарин, предвзято притензии, связанные с качеством, в упомянутом письме объяснял: «чертежа, государь, написать лутче того было некому; написал великим неучением потому, государь, что место пустынное».

Как и проектные материалы, этот чертеж, скорее всего, не сохранился, однако его географическое содержание, как установлено нами, нашло отражение в делопроизводственной документации. Особый интерес представляет приказная выписка с изложением документов, полученных от М. П. Гагарина, в том числе та ее часть, которая начинается словами «По тому чертежу, каков прислал в Разряд князь Матвей Гагарин перекопному делу октября в 14 числе 1701-го года». В ней сообщены размеры и глубина Иван-озера, протяженность и характеристики расчищенных участков русел рек Дона, Шата, Урванки и нескольких искусственных русел, в том числе того, что было доведено до места, от которого «потекла свободно река Дон». Интересно упоминание о том, что созданные каналы имели разный профиль (ширину и глубину), что, может быть, свидетельствует о корректировке проекта в ходе работ. Полной уверенности, что эти данные содержал чертеж, нет, но приведенный заголовок предполагать это позволяет.

При изучении в приказе доставленного чертежа возник ряд вопросов, в связи с чем посетившего строительство подъячего допросили. Запись включает перечень выявленных неясностей: «По чертежу в скольких саженьях от перекопного дела и от Ивановского озера государевы хоромы не написано, и через конал дорога написана, и в том месте как ездят: по мосту ль, не подписано, и речка Урванка в Ывановское озеро как впала». Заметим, что цитированный текст частично отображает топографическое содержание чертежа: на нем были изображены по меньшей мере

три элемента: озеро, канал и пересекающая его дорога. Подьячий, осмотревший местность и работы, подробно ответил на поставленные и дополнительные вопросы, лишь в двух случаях заявив о незнании ответа. В целом его пояснения существенно расширяют географическую информацию, отраженную в описании, опиравшемся на чертеж.

В заключение отметим некоторое сходство описанной ситуации с той, которая сложилась в отношении Большого чертежа Московского государства гоудуновского времени. Тот чертеж был утрачен, но осталось его описание 1627 г., само представляющее ценнейший памятник истории географических знаний. Отраженный текстами след нашего картографического памятника — чертежа 1701 г. местности в районе истока Дона, разумеется, не столь информативен. Однако, учитывая особое значение этой локации, важен и он. Ценность возрастает, если учесть, что о более ранних опытах картографирования этого района исследователям не известно ничего — мы лишь допускаем возможность их существования.

Сведения об авторах

- Алексеев Алексей Иванович** — доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки
- Анисимов Евгений Викторович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)
- Анненкова Елена Александровна** — научный сотрудник отдела учета, использования архивных документов и информационных поисковых систем Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
- Аурова Надежда Николаевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН
- Базарова Татьяна Анатольевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН
- Балабин Алексей Александрович** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра ресурсной экономики Института экономики и организации промышленного производства СО РАН; доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета
- Барыкина Инна Евгеньевна** — доктор исторических наук, заведующая кафедрой филологического и социально-гуманитарного образования Ленинградского областного института развития образования; профессор кафедры гуманитарного образования Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
- Блескина Ольга Николаевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки
- Бондарь Лариса Дмитриевна** — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
- Бродников Александр Ананьевич** — доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Бударагина Ольга Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета
- Буланин Дмитрий Михайлович** — доктор филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

- Веселов Федор Никитович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
- Вишня Игорь Борисович** — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН
- Вознесенская Ирина Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук
- Гальцин Дмитрий Дмитриевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук
- Гурская Нина Валентиновна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея «Страницы истории»
- Десятков Константин Станиславович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
- Дилигул Екатерина Сергеевна** — библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук; аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН
- Ермасов Евгений Викторович** — кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- Зарецкий Юрий Петрович** — доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Кауфман Игорь Самуилович** — кандидат философских наук, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова
- Келлер Андрей Викторович** — доктор исторических наук, доктор философии, старший научный сотрудник Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
- Кирикова Ольга Александровна** — старший научный сотрудник отдела публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
- Киселева Татьяна Валерьевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра (фундаментальных военно-исторических проблем) «Военного университета» имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
- Клишева Вера Александровна** — кандидат исторических наук, ученый секретарь Библиотеки Российской академии наук

- Коновалов Сергей Сергеевич** — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и документоведение» Гуманитарного института Курганского государственного университета
- Костина Татьяна Владимировна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения Санкт-Петербургского института истории РАН
- Мишина Елена Александровна** — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела гравюры XVII–XXI вв. Государственного Русского музея
- Мустафин Артур Рашидович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Подковырова Вера Григорьевна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, и.о. главного хранителя Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук
- Полонский Дмитрий Георгиевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН
- Рамазанова Джамиля Нуровна** — кандидат исторических наук, заведующая Научно-исследовательским отделом редких книг (Музеем книги) Российской государственной библиотеки, доцент Российского государственного гуманитарного университета
- Салоников Николай Вячеславович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
- Сафронова Алевтина Михайловна** — доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
- Силантьев Константин Васильевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета
- Сиренов Алексей Владимирович**, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского института истории РАН

- Стасевич Владислав Александрович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук
- Стецкевич Елена Сергеевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Суториус Константин Владимирович** — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)
- Сыгин Андрей Кириллович** — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела гербарий высших растений Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН
- Тункина Ирина Владимировна** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН
- Франклин Саймон** — доктор философии, действительный член Британской академии, профессор славистики Кембриджского университета
- Ходько Юлия Михайловна** — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела гравюры XVII–XXI вв. Государственного Русского музея
- Цеменкова Светлана Ивановна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
- Чеховская Оксана Евгеньевна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Факультета базовых компетенций Московского политехнического университета
- Юркин Игорь Николаевич** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Содержание

Предисловие	3
<i>Е. В. Анисимов (Санкт-Петербург)</i> Петр и рождение российской науки	5
<i>А. В. Сиринов (Санкт-Петербург)</i> Петр I и написание истории России.....	7
<i>И. В. Тункина (Санкт-Петербург)</i> Аптекарская канцелярия – колыбель Архива Российской академии наук.....	11
<i>А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)</i> «Славная Северная война и Житие Петра Великого»: проблема атрибуции.....	15
<i>Е. А. Анненкова (Санкт-Петербург)</i> О коллекции рисунков Марии Сибиллы Мериан, приобретенной Петром I (из собрания СПбФ АРАН)	17
<i>Н. Н. Аурова (Москва)</i> У истоков военно-морского образования в России в первой четверти XVIII в.: от Навигацкой школы к Академии Морской гвардии	19
<i>Т. А. Базарова (Санкт-Петербург)</i> Утраченные чертежи Петербургской и Адмиралтейской крепостей: по материалам Походной канцелярии А. Д. Меншикова	22
<i>А. А. Балабин (Новосибирск)</i> Экономическое положение русских студентов во время финансового кризиса 1720 г. во Франции.....	25
<i>И. И. Барыкина (Санкт-Петербург)</i> Сочинения гр. Д. А. Толстого об Академии наук, академической гимназии и университете как историческое пособие	28
<i>О. Н. Блескина (Санкт-Петербург)</i> «После чрезмерного питья и трудов жаловался на одышку...»: Дневниковые записи о Петре I из рукописного собрания Библиотеки РАН.....	31
<i>Л. Д. Бондарь (Санкт-Петербург), А. К. Сытин (Санкт-Петербург)</i> Посланник Петра I в Сибирь Д. Г. Мессершмидт: ботанические рисунки в рукописях ученого	34
<i>А. А. Бродников (Новосибирск)</i> Изображения фортификационных сооружений Сибири в трудах Н. Витсена, С. У. Ремезова и в материалах Академического отряда Г. Ф. Миллера.....	37

<i>О. В. Бударagina (Санкт-Петербург)</i>	
«Петергартен» Феофана Прокоповича и его выпускники.....	40
<i>Д. М. Буланин (Санкт-Петербург)</i>	
К истории русской академической терминологии в канун петровских реформ.....	42
<i>Ф. Н. Веселов (Санкт-Петербург)</i>	
Александр Македонский в Библиотеке Петра Великого: к истории лицевой рукописи Сербской Александрии Библиотеки Российской академии наук.....	45
<i>И. Б. Вишня (Санкт-Петербург)</i>	
Авторская манера миниатюр Петровской копии Радзивиловской летописи.....	48
<i>И. А. Вознесенская (Санкт-Петербург)</i>	
Путешествия Петра I: отражение в рукописях из петровского собрания БАН.....	51
<i>Д. Д. Гальцин (Санкт-Петербург)</i>	
Маргиналии Стефана Яворского и религиозная полемика Петровской эпохи.....	53
<i>Н. В. Гурская (Тольятти)</i>	
Проблемы школьного образования в правление Петра I.....	55
<i>К. С. Десятков (Великий Новгород)</i>	
Первые издания учебного пособия «Таблицы логарифмов...» А. Д. Фарварсона.....	57
<i>Е. С. Дилигул (Санкт-Петербург)</i>	
Подносные экземпляры сочинений Симеона Полоцкого и Лазаря Барановича «на смерть» царя Алексея Михайловича в составе библиотеки Петра I.....	60
<i>Е. В. Ермасов (Москва)</i>	
Отражение личности Петра I и его эпохи в немецкой историографии первой половины XVIII в. на примере сочинения Мартина Хассена «Истинная государственная мудрость, изложенная в определенных государственных принципах...» (Лейпциг, 1739).....	62
<i>Ю. П. Зарецкий (Москва)</i>	
Первый издательский проект Петра и его исполнители: новые материалы из нидерландских библиотек и Городского архива Амстердама.....	65
<i>И. С. Кауфман (Санкт-Петербург)</i>	
Критика спинозизма в русской физико-теологии XVIII в.	67
<i>А. В. Келлер (Екатеринбург)</i>	
Контекст времени, вызовы эпохи: место «художеств» в Академии наук.....	70

<i>О.А. Кирикова (Санкт-Петербург)</i>	
Педагогические взгляды первого инспектора Академической гимназии Т. З. Байера	73
<i>Т.В. Киселева (Москва)</i>	
Первые шаги к становлению финно-угроведения как научной дисциплины в эпоху Просвещения: Ф. И. фон Страленберг и Д. Г. Мессершмидт	75
<i>В.А. Клишева (Санкт-Петербург)</i>	
Образ Петра I в сочинениях писателей-старообрядцев XVIII в.	78
<i>С.С. Коновалов (Курган)</i>	
Исследователи Урала первой половины XVIII в.: у истоков исторической науки региона	80
<i>Т.В. Костина (Санкт-Петербург)</i>	
«О приведении Академии в надлежащий порядок»: регламентирующие документы Петербургской академии наук 1724–1735 гг.	83
<i>Е.А. Мишина (Санкт-Петербург)</i>	
О двух гравюрах петровского времени	85
<i>А.Р. Мустафин (Москва)</i>	
Петр I и барон А. Х. Люберас: становление отечественной исторической науки в контексте русско-шведских отношений	88
<i>В.Г. Подковырова (Санкт-Петербург)</i>	
Полемико-апологетические рукописи в библиотеке Петра I	91
<i>Д.Г. Полонский (Москва)</i>	
Петр I в черногорской историографии середины XVIII в.	94
<i>Д.Н. Рамазанова (Москва)</i>	
Выпускники Московской славяно-греко-латинской академии и развитие книгопечатного дела в петровское время	97
<i>Н.В. Салонилов (Великий Новгород),</i>	
<i>К.В. Суториус (Санкт-Петербург)</i>	
Новгородская архиерейская школа — центр образования на Северо-Западе России в первой трети XVIII в.	99
<i>А.М. Сафронова (Екатеринбург)</i>	
Обучение детей администрации казенных заводов Урала в гимназии Академии наук в 1735–1739 гг.	102
<i>К.В. Силантьев (Санкт-Петербург)</i>	
Наука, образование и промышленное производство на страницах «Ведомостей»	105
<i>В.А. Стасевич (Санкт-Петербург)</i>	
«Книги политические, которые продаются в Гаге»: 300 лет спустя	107

<i>Е. С. Стецкевич (Санкт-Петербург)</i>	
Исаак Брукнер (1686–1762) и развитие камнерезного художества в Императорской Академии наук и художеств в первой половине XVIII в.	110
<i>А. К. Сытин (Санкт-Петербург)</i>	
Гербарий Роберта Арескина и начало ботаники в России	113
<i>Саймон Франклин (Кембридж)</i>	
О малоизвестном виде печатного бланка Петровской эпохи: внутриведомственные указы-бланки	116
<i>Ю. М. Ходько (Санкт-Петербург)</i>	
Денщик Петра I Михаил Ширяев и его сочинения	119
<i>С. И. Цеменкова (Екатеринбург)</i>	
Вклад выпускников военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга в картографирование территорий горнозаводского Урала в 1720–1740-е гг.	121
<i>О. Е. Чеховская (Москва)</i>	
Научные коммуникации Петра I	124
<i>И. Н. Юркин (Москва)</i>	
Ивановский канал Петра I и первые опыты картографирования истока Дона	126
Сведения об авторах	129

Научное издание

ПЁТР I И СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 3–5 октября 2022 г.

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 23.09.2022. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 8,5. Тираж 100 экз. Заказ № 2836

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86